Юсуф Баласагуни

Наука быть счастливым

Юсуф Баласагуни

Наука быть счастливым

Избранные главы

Перевод Наума Гребнева

РАРИТЕТ
Бишкек · 2009

УДК 80/81
ББК 83
Б 20

Перевод Н. Гребнева

Б 20 **Баласагуни Юсуф**
Наука быть счастливым. Избранные главы/Пер. Н. Гребнева – Б.: Раритет, 2005. – 196 с.

ISBN 9967–424–40–0

Юсуф Баласагуни (род. ок. 1015-1016 гг.) – известный поэт, философ Средневековья.

Поэма «Наука быть счастливым» («Кутадгу билиг»), созданная автором в 54 года, – первое произведение, написанное на языке древних тюрков и целиком дошедшее до нас. Оно по праву может считаться истоком письменной литературы всех тюркоязычных народов.

Б 4603000000–05

УДК 80/81
ББК 83

ISBN 9967–424–40–0

© Оформление. Издательство "Раритет", 2005

Содержание

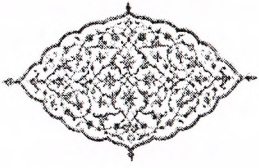
От переводчика *(Н. Гребнев)* 7

Вступление 11
Глава говорит о прелести весны и воздает хвалу Богра-хану 21
Глава говорит о семи планетах и двенадцати знаках зодиака 28
Глава говорит о том, что знания — сокровище рода человеческого 33
Глава говорит о свойствах речи 35
Глава, в которой сочинитель книги просит извинения за свои высказывания 38
Глава говорит о преимуществе хороших поступков 40
Глава говорит о том, что самое прекрасное в человеке — знания и разум 46
Глава говорит о назначении этой книги, а также о всех ступенях человеческого возраста 52

Глава говорит о Кюн-Тогды-элике, чье основное свойство — справедливость 58
Кюн-Тогды-элик говорит визирю Ай-Толды, какой должна быть справедливость 64
Глава говорит о тщете человеческого счастья .. 70
Глава говорит о том, каким должен быть правитель, достойный власти 82
Глава говорит о том, каким должен быть придворный 90
Глава говорит о том, каким должен быть муж, азначаемый посланником 97
Глава говорит о том, каким должен быть писец 104
Глава говорит о качествах, необходимых казначею 111
Глава говорит о том, каким должен быть главный повар 117
Одгурмыш говорит Огдулмышу о печалях и пороках этого мира 122
Глава говорит о том, как надо обходиться с учеными 132
Глава говорит о том, как надо обходиться с врачами 134

Глава говорит о том, как надо обходиться с теми, кто лечит заговором 136
Глава говорит о том, как надо обращаться с поэтами 138
Глава говорит о том, как надо обращаться с земледельцами 140
Глава говорит о том, как надо обходиться со скотоводами 142
Глава говорит о том, что следует отдавать должное купцам 144
Глава говорит о том, как надо обращаться с бедняками 146
Глава о том, как надо обращаться с ремесленниками 148
Глава говорит о женитьбе 150
Глава говорит о том, как надо воспитывать сына и дочь, если они родятся 154
Глава говорит о том, как приглашать в гости и как принимать приглашение 157
Глава говорит о том, что добро должно быть вознаграждено добром, человечность — человечностью 162

Одгурмыш рассказывает Огдулмышу свой сон 165
Огдулмыш объясняет сон Одгурмыша 167
Одгурмыш иначе толкует свой сон 169
Глава говорит о раскаянии по поводу дурно проведенной жизни 174
Седоголовый Юсуф, сожалея о молодости, говорит о старости 182
Глава говорит о порче человека и о неверности друзей 187
Сочинитель книги дает наставление самому себе 191

От переводчика

Дорогие читатели, прошу вас уважительно читать эту книгу, хотя бы потому, что она написана очень давно — девятьсот лет назад.

За это время на земле изменилось многое. Исчезло обширное Караханидское государство, где жил Юсуф хас-Хаджиб Баласагунский, стерлись из памяти людей имена могущественных властителей того времени, стал мертвым язык книги — древний уйгурский язык караханидской эпохи. Никто в мире сейчас не говорит на этом языке, однако он явился основой многих современных тюркских языков, и «Науку быть счастливым» — первое произведение, написанное на языке древних тюрков и целиком дошедшее до нас, по праву могут считать истоком своей письменной литературы многие тюркоязычные народы. Для них эта поэма имеет примерно такое же значение, как «Слово о полку Игореве» для славянских народов.

Поэма написана очень давно, и, может быть, вам покажется странной и манера

повествования, и содержание некоторых ее глав. И действительно: кому сейчас придет в голову облекать в стихотворную форму назидания, какую выбирать жену и как принимать гостей? Но вчитайтесь внимательно в эти главы, и, я думаю, вы почувствуете прелесть их наивной торжественности и непосредственности.

О мудреце Юсуфе хас-Хаджибе — авторе этой книги — известно немногое: только то, что сам он сказал о себе в строках поэмы и вступлении к ней, которое, впрочем, отдельные исследователи склонны приписывать позднейшим переписчикам рукописи.

Мы не располагаем подлинником поэмы. В нашем распоряжении три ее списка, несколько отличных друг от друга.

С тех пор, как в начале девятнадцатого века был найден первый из них, учеными — лингвистами и историками — написано много исследований этого древнего литературного памятника. Одна из самых значительных работ — критический текст и немецкий подстрочник — принадлежит известному

тюркологу, профессору Петербургского университета В. В. Радлову. Эта работа послужила основой для нашей книги. Надо сказать, что, за полтора века пристального внимания ученых к поэме, появилось на разных языках немало филологических дословных переводов ее, однако попытка осуществить перевод стихотворный — первая попытка такого рода. Памятник содержит более тринадцати тысяч строк. В нашем издании — лишь избранные главы, и те — с некоторыми сокращениями.

Итак, дорогие читатели, перед вами очень старое сочинение. Но истинные духовные ценности не устаревают. Недаром всю книгу древнего поэта пронизывает мысль о бренности богатства и власти и о нетленности разума, мудрости и добра. Именно поэтому, дорогие читатели, я надеюсь, что вы по достоинству оцените «высокое искусство и красоту», заключенную в творении мудреца из Баласагуна.

Н. Гребнев

Вступление

Благодарение и слава – Аллаху Всевышнему, повелителю нашему! Он создал землю и небо и всем живущим дал пропитание. Он делает то, что желает, и повелевает, как соизволит. Безграничная хвала избранному из друзей и пророков пророку – Мухаммеду и его сподвижникам. Да осенит их благоволенье Аллаха!

Эта книга достойна зваться книгой почтенной. Строки ее украшены стихами мудрецов Чина и притчами ученых Мачина*. Читающий и разумеющий эти мудрые страницы станет совершеннее.

Ученые Чина и Мачина согласны, что на Востоке, в землях Туркестана, на языке бограханидов никто и никогда доселе не слагал книг, подобных этой.

В какую бы из земель ни попало это сочинение, ученые и мудрецы ценили высокое искусство и красоту, заключенную в нем. Мудрецы разных народов давали этой книге свои уважительные названия.

---

* Чин и Мачин – старинные названия Китая и Индокитая.

Мудрецы Чина назвали ее «Правила благочиния государей», ученые Мачина нарекли ее «Благополучие держав», в восточных царствах дали ей название «Украшение правителей», иранцам известна она как «Наука быть счастливым». Некоторые называют эту книгу «Книгой советов царям», а на землях тюрков имя ее «Кутадгу билиг».

Писавший эту книгу – муж просвещенный и достойный, родом из Баласагуна. Свой труд завершил он в Кашгаре и представил его табгачу* Богра-хану, за что владыка наградил и возвеличил сочинителя, пожаловав ему почетное звание хас-Хаджиба**.

И стал скромный сочинитель прозываться с тех пор Юсуфом хас-Хаджибом.

В основе книги этой лежат четыре высоких и дорогих понятия: первое – Справедливость; второе – Счастье; третье – Ум; четвертое – Довольство. Каждому из этих понятий сочинитель дал имя мужа. Справедливость он назвал Кюн-Тогды-элик*** и

---

* Табгач – глава караханидского дома, хан ханов.

** Хас-Хаджиб – высокое придворное звание.

*** Элик – титул удельного правителя в Караханидском государстве.

сделал его властителем. Счастье сочинитель назвал именем Ай-Толды и возвел его в сан визиря. Ум назван именем Огдулмыш, он – сын визиря. Довольство, именуемое Одгурмыш, автор сделал братом визиря. Между этими четырьмя мужами ведутся беседы; они задают вопросы друг другу и дают на них ответы.

Да откроется сердце читающего, да станет светлее у него на душе, чтобы он помянул сочинителя в своей святой молитве, если пожелает этого великий Аллах, лучше и безошибочнее нас знающий, чему быть.

Единый Бог — хвала ему и честь! —
Был ранее всего, что в мире есть.

Лишь Он один — создатель совершенный
Всего, что существует во вселенной.

Всех на печаль обрек наш Властелин,
На свете беспечален Бог один.

Всем, кроме Бога, надо пить и есть,
А всех так много, что не перечесть.

Да будет славен Бог наш всемогущий,
Дающий пищу всякой твари сущей,

Судящий по законам непреложным,
Кому великим быть, кому ничтожным.

...Сии листы, где труд мой и страданье,
Для понимающих — источник знанья.

Здесь, среди слов моих, как украшенья,
Блистают разных мудрецов реченья.

А если нету многого, ну что ж,
Благодари за то, что здесь найдешь!

Ценили мной начертанные строки
Едва ль не все владыки на Востоке.

В их тайниках, соседствуя с казной,
Лежат листы, написанные мной.

Пусть золотое слово мудреца
Получит сын в наследство от отца.

Читатель этих строк иль переписчик
Немало пищи для ума отыщет.

Он все запомнит, прочитав хоть раз,
Ведь в этих главах голос мой и глаз.

Известно людям Чи́на и Мачина,
Что эта книга — в мире книг вершина,

Все знающие знают, что Восток
Еще не создавал подобных строк.

Кто разумеет, что на свете ценно,
Приметит эту книгу непременно.

А пред глупцом, который чужд наук,
Ее не раскрывай, хоть он и друг.

Никто до этой книги никогда
Не совершал подобного труда.

Кто начатое мною преумножит,
Где тот мудрец, кто это сделать сможет?

Пусть назовут мне имя знатока,
Чтоб я его прославил на века...

На свете эта книга повсеместно
Под разными названьями известна.

Ей честь владыки Чина оказали
И «Книгой благочиния» назвали.

Мудрец Мачина, книгу эту взяв,
Назвал — «Благополучие держав».

Был назван персом немногоречивым
Мой скромный труд «Наукой быть счастливым».

А в тюркских землях этой книге книг
Названье дали «Кутадгу билиг»*.

Она для всех ценна без исключенья,
Но для властителей она — прозренье.

---

* «Кутадгу билиг» — тюркское название книги Юсуфа хас-Хаджиба. Букв.: «Звания, приносящие счастье».

Владыка, чье могущество в законах,
Не может править без людей ученых.

Сей книги свет — владык благополучье,
В сей книге есть совет на каждый случай.

Властитель в ней найдет предначертанья
Расцвета своего и увяданья.

Молитесь, люди, чтобы вами правил
Хан, не забывший данных в книге правил.

Ведь, не жалея сил, не ради славы
Все, чем я жил, вложил я в эти главы.

Я на страницах книги говорю,
Как подобает поступать царю.

Как надо строить рать, вступая в войны,
Как отличить ничтожных от достойных.

Любовью и доверием народ
Царю за справедливость воздает.

О гневе и о милости владык
Есть также слово в этой книге книг.

Писавший книгу с пожеланьем благ
Ее вам дарит как счастливый знак.

Ему в награду ничего не надо:
Молитва ваша — вот его награда.

Ученый муж, создатель этих строк,
Немало исходил путей-дорог.

Покинув род свой, чтоб бродить по свету,
Мир повидав, он начал книгу эту.

Труд завершил он на земле Кашгарской,
За что отмечен был наградой царской.

Мудрец, раскрывший книгу пред владыкой,
Был удостоен милости великой.

Он был одеждой с ханского плеча
Пожалован по воле табгача.

Дал за усердный труд ему и знанья
Хан милосердный хас-Хаджиба званье.

И звали с той поры и до конца
Юсуфом хас-Хаджибом мудреца.

Теперь о книге должен рассказать я:
Четыре в ней героя и понятья.

Четыре в ней лица, четыре свойства:
В ней Справедливость, Счастье, Ум, Довольство.

Лишь во взаимосвязи этих лиц
Смысл и значенье праведных страниц.

В руках у мудрецов перебывало
Арабских и персидских книг немало,

Но эта книга — первая из книг,
В которой тюрки слышат свой язык.

Вот книга эта, в дар ее примите,
Писавшего молитвой помяните.

Я смертен, я навеки ухожу,
Мой час пробьет — и веки я смежу.

Но пусть прозреют тьмы людей далеких,
Читая мной написанные строки.

Бог справедливый, к этим правоверным
И терпеливым будь, и милосердным.

Дай всем — и беднякам, и власть имущим —
И пищу для души, и хлеб насущный.

Глава говорит о прелести весны и воздает хвалу Богра-хану*

С Востока дует ветер, открывая
Весны дорогу, как дорогу рая.

Прошла пора туманов и ненастья,
Весна взяла свой лук с колчаном счастья.

---

* Богра-хан — правитель Кашгара, полное имя которого Табгач Кара-Хакан Абду-Али Хасан-ибн-Сулейман-Арслан-Кара-Хакан.

И кажутся наряднее, чем прежде,
Долины в новой дорогой одежде.

В саду, листвой весеннею одетом,
Смешалась зелень с розоватым цветом.

Как будто караваны из Китая
Прошли, цветные ткани расстилая.

Ждет пахаря простор полей покорных
С немой мольбой о благодатных зернах.

И обдает нас ветер необычным
И мускусным дыханьем, и гвоздичным.

Вот пролетела стая диких уток,
По небу пролагая первопуток.

Вдали с гортанным криком протекли
Верблюжьим караваном журавли.

Красавиц наших переняв повадки,
Друг друга кличут нежно куропатки.

На поле опускается проворный,
Увидевший добычу ворон черный.

И где-то сиротливый соловей
Поет тоскливо о любви своей.

Бывает так, что, брови вдруг нахмуря,
Слезой весна смывает пыль с лазури.

И устремляют взгляд свой удивленный
Цветы на этот мир преображенный.

Весною мир счастливый, не скорбя,
Разглядывает самого себя.

Уверен я, что в это время года
Свои красоты познаёт природа.

...Все это было нынешней весной,
Заговорила вдруг земля со мной.

— Проснись,— она сказала,— хоть на миг,
Чтоб видеть Богра-хана светлый лик.

Я десять тысяч лет ждала, вдовела,
На белый свет без радости глядела,

Но ныне мне хранитель Богом дан —
Великий повелитель Богра-хан.

Согретая надеждой и любовью,
Я сбросила свои одежды вдовьи.

Сверкнула молния, прорезав мрак,
Когда властитель развернул свой стяг.

Поля, когда властитель молвил слово,
Блистаньем молний озарились снова.

Сиянье солнца и ночных светил
Своею славой Богра-хан затмил.

Аллах, дай силы, помоги советом
Тому, кто правит вами в мире этом.

Пусть счастье бека и простолюдина
Цветет в сиянье славы властелина.

Дай хану вместе с троном счастье, Боже,
Ведь трон и счастье не одно и то же.

Пусть счастье, что не всем служить готово,
У ханской двери ожидает зова,

Усердием и добротой своей
Врагов пугая, радуя друзей.

С тех пор как миром хан великий правит,
Мир процветает и владыку славит.

Земля пред ним свои раскрыла недра,
Чтоб все добро он людям роздал щедро.

Цветок в полях, в лесах и зверь, и птица —
Все тянется к владыке и стремится.

Коль хочешь ты увидеть облик счастья,
Пусть примет хан в твоей судьбе участье.

Чтобы увидеть облик доброты,
Приди к нему, вглядись в его черты.

Захочешь знать, где обитает разум,
Приди к царю внимать его рассказам.

...В числе земных даров тебе на суд,
Читающий, я отдаю свой труд,

Мой скромный дар, но дар непреходящий,
Что назван книгой, счастье приносящей.

Прими бесценный дар мой и прочти,
Его подаркам тленным предпочти.

Знай, быстротечно все, что нам дается,
Навечно только слово остается.

На сих листах владыку я прославил,
Существовать в веках его оставил.

Великий Бог, опорою во всем
Для хана будь в пути его земном.

Пусть дождь в степях посевы поливает,
В садах сухое древо оживляет.

Дай хану счастье, озари дорогу,
А недруг сам пусть чахнет понемногу.

Пусть будет хан Твоих щедрот орудьем,
Пусть он живет, даруя счастье людям,

Пока земля, где смертным жить и тлеть,
Не превратится в огненную медь.

Глава говорит о семи планетах и двенадцати знаках зодиака

Я, славя Бога, начал строки эти:
Он сотворил все сущее на свете.

По воле Бога, от Его щедрот —
Небесный и земной круговорот.

Предначертал Творец пути вселенной,
Луне и Солнцу дал Он свет нетленный.

Под звездный кров Он землю поместил,
Он день и ночь не равно осветил.

Иные звезды в полуночном мраке
Горят как направляющие знаки,

Одни, сияя, служат украшеньем,
Другие зло сулят расположеньем.

Те звезды ярче месяца блистают,
Те еле светятся, те угасают.

Нет в вышине, что только днем лазурна,
Планеты отдаленнее Сатурна.

И в каждом зодиаке нам она
Два года восемь месяцев видна.

Юпитер ярок в ясную погоду,
Бывает в каждом доме он по году.

Мрачна планета Марс, чей грозный вид
Великой засухой земле грозит.

Сияет Солнце, и своим теплом
Ласкает ночью месяц, Землю — днем.

Когда Венера по утрам сияет,
Нам свет ее удачу предвещает.

Нам говорит Меркурия сиянье
О скором исполнении желанья.

Но всех планет Луна видней и ниже,
И тем она полней, чем к Солнцу ближе.

Среди планет блестят в ночном дыму
Созвездья — парно и по одному.

Вдоль солнцепутья средь ночного мрака
Горят двенадцать знаков зодиака.

В небесной мгле соседствует любовно
С созвездием Тельца созвездье Овна.

Созвездье Близнецов, созвездье Рака —
Соседственные знаки зодиака.

А дальше — с головою голова —
Созвездье Девы и созвездье Льва.

Расположились в центре небосклона
Созвездия Весов и Скорпиона,

Созвездья Водолея, Козерога,
Стрельца и Рыбы — далее немного.

По три созвездья зимних и весенних,
По три созвездья летних и осенних.

Для воздуха, огня, воды, земли
По три созвездья светятся вдали.

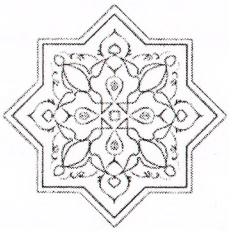
Между иными звездами всегда
Открытая иль тайная вражда.

Когда встречаются, несясь по кругу,
С враждой они бросаются друг к другу.

С небесной выси падает тогда
И гаснет побежденная звезда.

А если им столкнуться не случилось,
Сменить готовы звезды гнев на милость.

Блистает мир светил, небесных тел,—
Так им Аллах судил и повелел.

Глава говорит о том, что знания - сокровище рода человеческого

И создал человека Бог единый
Из воздуха, воды, огня и глины.

Бог человеку зренье дал и руки,
Дал ум для постижения науки.

Создатель наш дал человеку слово,
Чтоб он вершиной стал всего земного.

И разум дал, чтоб постигать нам знанья,
Чтобы благие совершать деянья.

Бог дал нам совесть, дал нам стыд, и все ж
Зло укрепилось в нас, вселилась ложь.

Какой избрать вам путь — от вас зависит.
Достойным будь — Аллах тебя возвысит.

Напомню слово опытных людей:
«Знай, знающий, разумный, разумей!»

Умом постигнешь ты искусство чтенья,
Потом писать к тебе придет уменье.

Болезнь невежд не вылечат врачи:
Познанием невежество лечи.

Ум — та веревка, что в тяжелый час
Над пропастью удерживает нас.

Быть мудрым и скупцу прямой расчет:
Он выгоду из знаний извлечет.

Мы только с помощью ума и знанья
Осуществим заветные желанья.

Глава говорит о свойствах речи

Речь умного как влага из колодца,
Речь глупого бедой к нему вернется.

Я в многословье видел мало пользы,
От краснобаев не бывало пользы.

Коль хочешь говорить, скажи, но кратко,
Чтоб был в едином слове смысл десятка.

Тебя великим может сделать слово,
А многословье — превратить в смешного.

Пусть, как гранит в руках каменотесов,
Весомой будет суть твоих вопросов.

Невежда слеп и глух, а просвещенье
Глухому дарит слух, слепому — зренье.

Ты знанья обретешь, себя прославишь,
Ты сам уйдешь, но в мире след оставишь.

Пусть будет твой язык не лжец, не сплетник,
А меж тобой и знанием посредник.

Тем, кто не знает, я скажу по чести:
Язык карают с головою вместе.

Сдержи язык свой, голову жалея:
Чем он смирнее, тем она целее.

Людей грязнит невежда бранью злой,
Злодей болтливый всех чернит хулой.

Для пламени осмысленного слова
Нет, кроме знаний, топлива иного.

Не говори плохого никому,
Когда не враг ты счастью своему.

Оставишь память ты на свете белом
Лишь добрым словом да хорошим делом.

Ты сам умрешь и превратишься в прах,
А слово в чьих-то будет жить устах.

Не для забвенья, а для разуменья
Я оставляю эти наставленья.

Не серебром владея и не златом,—
Владея словом, будешь ты богатым...

Увидеть свет, проникнуть в тайну знанья —
Ведь у меня иного нет желанья.

Незнанья суть — блужданье в темной ночи,
А знанье — путь, достойнее всех прочих.

Умом и знаньем обретешь по праву
Почет при жизни, после смерти — славу.

Глава, в которой сочинитель книги просит извинения за свои высказывания

Сперва меня сознанье озарило.
Оно слова и знанье подарило.

Свои желанья в слово я облек,
Для покаянья наступает срок.

Не высказавший правды до конца
Достоин славы труса и лжеца.

Суждение мирское и молва —
Бессмертнее людского естества.

В теченье жизни бренной я все время
Нес своего предназначенья бремя.

В слова все то, что скрыто взаперти,
Мне совесть говорила: воплоти.

Чем дорожу я, в чем сокрыта суть?
Я все скажу, а ты не обессудь.

Мы знаем: жизнь людская быстротечна,
На свете только имя наше вечно.

Вольны мы в том, чтобы себя прославить,
Навеки имя доброе оставить.

Иль имя, заклейменное презреньем,
Оставить на проклятье поколеньям.

Глава говорит о преимуществе хороших поступков

Наш путь известен — жизнь всего лишь сон,
Хоть и чудесен, но недолог он.

Жизнь — это ценность, данная на срок.
Добро содеял — и добро извлек.

В конце концов у всех одна судьба —
Смерть ждет и властелина и раба.

Вставай, верши добро, пока ты в силе,
Не забывай: нам всем лежать в могиле.

Нам только имя навсегда дается,
Уходим мы, но имя остается.

Прославленному имени почет
Мир не одно столетье воздает.

И поминает до скончанья века
Проклятьем имя злого человека.

Что ожидает нас: позор иль слава?
При жизни сделать выбор — наше право.

Исчезнем мы, но имя не утратим,
Воскреснем мы хвалою иль проклятьем.

Был прав мудрец, сказав нам в назиданье,
Что не бывает зла без наказанья.

При жизни ль, после смерти,— все равно
Зло человеку будет отмщено.

Зло, что огонь: возникнет на пути —
И путнику его не обойти.

Но, словно пламень, все кругом губя,
Зло пожирает и само себя.

Не делай зла, в подлунном мире сущий —
Кто б ни был ты: бедняк иль власть имущий!

Издревле так бывает — хан ученый
Провозглашает добрые законы.

Среди правителей лишь мудрецы
Для жителей своей земли отцы.

На свете хан ученый жил когда-то.
Его законы были чище злата.

Среди людей, к владыке приближенных,
Мужей не пребывало неученых.

Дорогой знанья вел простой народ,
В чьем процветанье видел свой доход.

Довольство бека и простолюдина —
Лишь это было целью властелина.

Он так своими подданными правил,
Что имя навсегда свое прославил.

Все превратится в пыль, но мир навеки
Запомнит быль об этом человеке.

Он, пережив свой прах, живет в веках
На сих листах и на людских устах.

Мудрец бессмертью служит светом знаний,
А что глупец заслужит, кроме брани?

Вот что сказал нам человек один,
Что мудрым стал, доживши до седин:

«Невежда, сидя на высоком месте,
Высокий сан низводит до бесчестья,

А мудрый муж, сидящий к двери близко,
Возвысит место, хоть оно и низко».

Где б место ни было отведено,
Мудрец его украсит все равно.

Известны мне два вида благородства:
Меж мудростью и властью вижу сходство.

Правитель даст закон, ученый — знанья.
Деянья их достойны подражанья.

Правитель, твой закон — первооснова,
Спасительно твое, мыслитель, слово!

Порой бывает, что слова ученых
Сильней царей, сильней земных законов.

Я славлю слово, что, избегнув тленья,
Переживет людские поколенья.

Коль молвит слово тот, кто был безгласен,
Поверю я, что труд мой не напрасен.

Пусть люди, для которых я предтеча,
Продолжат речь мою своею речью.

Владенье словом — дар едва ль не лучший.
Присловье вспомнить я могу на случай:

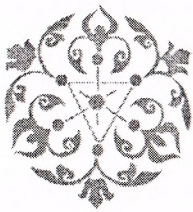
«Сиянье глаз — краса лица любого,
Речь — цвет ума, а сила речи — слово».

И как прекрасно слово мудреца
В согласье с выражением лица.

...Я рассказал о свойствах благородства,
Ума и власти я подметил сходство.

Блаженны люди той земли, где, к счастью,
Соединился ум владыки с властью.

Я повторю, хоть это и старо:
«От разума рождает власть добро».

Глава говорит о том, что самое прекрасное в человеке — знание и разум

Мое призванье — слово, а желанье —
Восславить разум, возвеличить знанья.

Во тьме незнанья знанье — свет зари,
Его сиянье — пламя изнутри,

Ум возвышает знающего имя
Над всеми именами остальными.

Чтоб убедиться, вспомни Нуширвана*,
Чье имя как звезда среди тумана.

---

* Нуширван (Ануширван, букв.: «бессмертная душа») — один из наиболее известных и могущественных иранских царей из династии Сасанидов.

Обогатил народ сей муж ученый,
Провозгласил разумные законы,

За щедрость, соразмерную уму,
Прозванье «Щедрый» дал народ ему.

Царь, если ум дала ему природа,—
Великий дар для своего народа.

...Лишь зрелый муж сумеет стать ученым.
Что может знать подросток несмышленый?

Что можно ожидать от старика,
Чья память меркнет и дрожит рука?

Мужей из низкородных, несвободных
Возвысит ум до круга благородных.

Ученый муж — будь он простолюдин —
Сам подданный себе и господин.

Ученый независимей невежды:
Он знаньем хлеб добудет и одежды.

Постигнем знанья — будем всем нужны,
Не умаляйте, люди, их цены.

Напомню истину, что непреложна:
«И добродетель без ума ничтожна».

На мускус наши знания похожи:
Скрыть мускус невозможно — знанья тоже.

Речь знающего обнаружит знанья,
Как близость мускуса — благоуханье.

...Чтоб конь не шел неведомо куда,
Необходима крепкая узда.

Чтобы дурные сдерживать желанья,
Узда необходима в виде знанья.

На воле табуны пасутся в поле,
И только конь любимый на приколе.

Твой лучший конь у дома день-деньской,
Чтоб быть ему на случай под рукой.

Всегда, чем более себя мы ценим,
Тем меньше воли мы даем влеченьям.

Для мудреца все ясно и не странно,
А для глупца свое же имя бранно.

Одно и то же слово и совет
На пользу мудрецу, глупцу во вред.

Еще скажу я: прав ты иль не прав,
Не молви слова, гнев не обуздав,

Чтобы потом, когда уж сделал дело,
Раскаянье тобой не овладело.

Я склонен полагать, что низких свойство —
В борьбе со слабым проявлять геройство.

В былые времена сказал об этом
Ученый, одаривший нас советом:

«Гнев отнимает разум у людей,
Во гневе добрый человек — злодей.

И даже тот, кто праведнее всех,
Во власти злобы совершает грех».

...Себе я начертать позволю строки,
Чтобы мужские указать пороки.

Серьезней всех других наверняка
Такой изъян, как лживость языка.

Пристрастие к злоречью — к слову злому —
Противоречит существу мужскому.

Мужчину унижает также зависть,
Позорно жить, завистником прославясь.

Мужчина должен все решать спокойно,
Давать свободу гневу недостойно.

Для мужа мужелюбие — несчастье.
Что в жизни хуже этого пристрастья?

Один порок — поверь — вселится в нас
И открывает дверь другим тотчас.

Вращаются миры, полны величья.
Меняется земля, ее обличье.

На свете лишь добро неколебимо,
Все доброе для смертных исполнимо.

Блажен тот смертный, что добро творит,—
В огне раскаянья он не сгорит.

Меж тем как зло, все на пути губя,
Уничтожает и само себя.

Злой человек — земли недолгий гость.
Его сжигает собственная злость.

Не знает злой ни счастья, ни веселья,
Лишь добрый человек достигнет цели.

Глава говорит о назначении этой книги, а также о всех ступенях человеческого возраста

Пусть слово изреченное объемлет
Своим всевластьем небеса и землю.

Обширный труд, передо мной лежащий,
Назвал я книгой, счастье приносящей.

Я в судьбах ваших принимал участье,
Когда искал, в чем суть, где корень счастья,

Чтоб вы, листая глав моих страницы,
Могли бы к тайнам мира приобщиться.

Прозванье Кюн-Тогды я дал герою,
В нем справедливость — свойство основное,

Он самой высшей властью наделен,
Он воплощает Правду и Закон.

С ним рядом Ай-Толды; поймете сами,
Что Счастье говорит его устами.

А третий муж, чье Огдулмыш прозванье,
Здесь олицетворяет Ум и Знанье.

Четвертого назвал я Одгурмышем,
В его речах Довольство мы услышим.

Ум, Справедливость, Счастье и Довольство —
Четыре мужа, чьи различны свойства.

Поймете вы, внимая их речам,
Что думаю и чем живу я сам.

Юнец, познавший только наслажденья,
К моим словам не проявляй презренья.

Пусть юность — жизни лучшая пора —
Идет дорогой Правды и Добра.

Ведь молодость, увы, наверняка
Тебе, как всем, дана не на века.

Я сам в свой час растрачивал ее.
И что сейчас раскаянье мое?

Стоит седая старость у ворот,
Она ко мне пришла, к тебе придет.

И я Добру, бывало, не служил,
Теперь бы рад служить, да мало сил.

Сорокалетье — вот рубеж извечный,
Попутный ветер был, теперь он встречный.

Пятидесятилетье подползло,
Отметило морщинами чело,

И пряди цвета вороновых крыл
Мне кто-то не на счастье побелил.

Знак подает шестой десяток лет —
Бессилие мое, остаток лет.

О проходящие мои года!
Чем я не угодил вам и когда?

За что вы ненавидите меня,
К шестидесяти жизнь мою гоня?

За что вы ныне превратили в яд
Все то, чем жил я много лет назад?

Когда был сам я, как стрела, прямой,
Мысль не была надежной тетивой.

Теперь, как стрелы, мысли и слова,
Да сам-то я — плохая тетива.

К моим ногам прикован камень лет,
Моим глазам враждебен яркий свет.

От молодости, что давно умчалась,
Лишь только имя у меня осталось.

Все, чем живу я ныне, мне дано,
Чтоб каяться о прожитом давно.

Швырявший годы, я ловлю мгновенья,
За прошлое свое молю прощенья.

Ты, всемогущий, вездесущий Бог,
На гибель все живущее обрек!

К Тебе моя молитва и мольба,
Продли мгновенья своего раба,

Дай силы довести мне до конца
Мой труд, что начат именем Творца.

Прости меня, и с моего пути
Сомненье и неверье отврати!

С дороги Веры помыслам моим
Не дай сойти, не дай мне стать слепым!

Я жил во тьме — Ты мрак мой озарил,
Я был в тюрьме — Ты двери отворил.

Во мгле блуждал я — Ты меня искал,
В огне сгорал — Ты от огня спасал.

Речь подарив, чтоб не был я немым,
Меня Ты поднял надо мной самим.

О Боже, ниспошли мне благодать,
Скажи, чем я могу Тебе воздать.

Сам для Себя награду уготовь.
Возьми мой дух, и плоть мою, и кровь.

Но Ты надежды не лишай меня,
Одежду Веры не снимай с меня.

Не умерщвляй души моей, Господь,
Пока мою не умертвишь Ты плоть.

Когда я распрощусь с земною твердью,
Дай в провожатые мне Милосердье!

Как все прощал Ты своему рабу,
Прости его последнюю мольбу.

Будь милосердным, что бы ни случилось,
Дай правоверным Свой совет и милость.

Глава говорит о Кюк-Тогды-элике, чье основное свойство справедливость

Нам открывает знанье путь Прозренья,
Наш разум проникает в суть явленья.

Что ждать от мира? Он ничтожен сам,
И несерьезен он не по годам.

Жизнь — ветреница; взгляд ее и речь
Тебя стремятся обласкать, завлечь.

Но стоит только протянуть к ней длань,
И прочь она бежит быстрей, чем лань.

Она перед твоим мелькает взглядом,
Чтоб поразить тебя своим нарядом,

И поровит к твоей груди припасть,
И прочь бежит, твою заметив страсть.

Она и от того, кто был велик,
Надменный отворачивала лик.

Она сама, не постарев ничуть,
Сгибает нас, уводит в дальний путь.

Жил-был на свете царь; он поседел
От прожитых годов, и дум, и дел.

Он знаменит был так же, как велик,
Он прозывался Кюн-Тогды-элик.

Был справедлив он и добросердечен,
Он совершенством знаний был отмечен,

Добро и разум расцветали в нем,
Врагам он был возмездьем, злу — огнем.

При нем простолюдин не знал лишений,
Был с каждым днем правитель совершенней.

Страной владея, был ее судьбой,
И более того — владел собой.

И даже в гневе — не иная сила —
Добросердечье им руководило.

Я повторю известное от века:
«Лишь доброта — богатство человека!»

Был справедливый Кюн-Тогды-элик,
В величье добр и в доброте велик.

Кто понимал, как справедлив владыка,
Превозносил и прославлял элика.

Достойнейшие люди всей земли
К нему свои познания несли.

Он пребывал в заботах ежечасных
О благе всех людей, ему подвластных.

Все процветало под его рукою,
Но сам в заботах он не знал покоя.

Один добросердечный человек
Был прав, когда такую мысль изрек:

«Покоя без трудов достичь едва ли,
Путь к радости лежит через печали.

Чем выше царь, тем больший груз невзгод
И кладь забот он на себе несет».

К простолюдину обращая слух,
Великий повелитель не был глух.

На злых людей он стрелы направлял,
Плохих людей от дела отстранял.

Он правил много лет своим народом —
И счастье прибывало с каждым годом.

Замыслив что-то или предрешив,
Элик и зорок был и прозорлив.

Порою зоркость нам нужней, чем сила,
Беспечность многих сильных погубила.

...Хан неразумного не делал шага,
И это было для народа благо.

В обширном крае хана-мудреца
Жил мирно волк, и рядом с ним овца.

И люди, позабыв свои печали,
На бедра пояс счастья повязали.

Пред ним враги смирялись и, в бессилье,
Ему внимая, голову клонили,

Толпились у дверей его покоев,
И шел элик, их взглядом удостоив.

Здесь стоит вспомнить слово знатока,
То слово ярко яркостью цветка:

«Прекрасен хан, в ком справедливость есть,
Прекрасны в нем достоинство и честь,

Но лучшее, чем обладает он,—
Рожденный справедливостью закон.

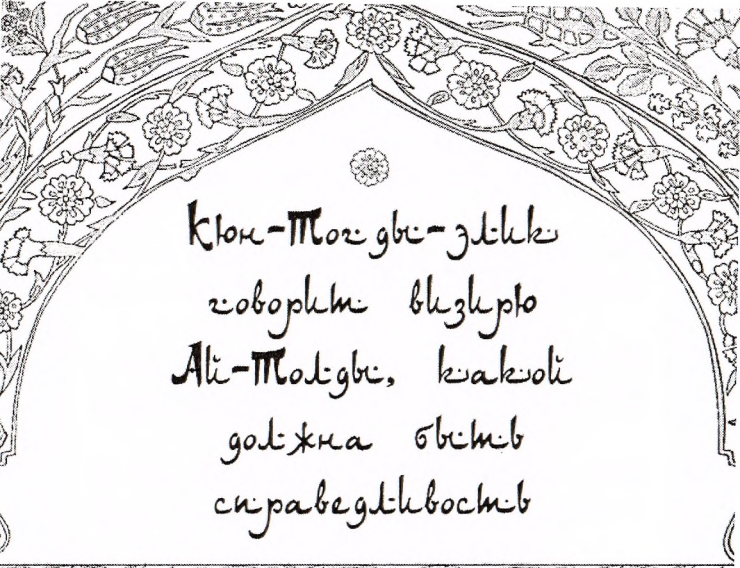
Пусть имя тех прославится навечно,
Кто справедлив, кто правит человечно».

Всех согревала доброта элика,
Сиянье имени его и лика.

Хваля владыку, люди не скупились,
Цвела земля, где за него молились.

Он всех своею властью согревал,
Земле он пояс счастья повязал.

В его владеньях общею тропой
Ягненок с волком шли на водопой.

Позвал элик визиря дорогого,
Сказал: — Хочу тебе я молвить слово.

Ты помнишь, в свой тебя призвав чертог,
Я оказал тебе почет, как мог.

Из-за чего-то спор у нас возник,
Я был разгневан, стал мой красен лик.

Но выслушал тебя я до конца,
И сразу спала краснота с лица.

Не то чтоб я тебя простить был рад,
Мне стало ясно — сам я виноват.

И хоть властитель — я, а ты слуга,
Мне все же справедливость дорога.

Должны мы жить по правде непреложной.
На чем сижу я? — на скамье треножной.

Будь коротка хотя б одна из ножек,
Упала бы скамья, сидящий — тоже.

Когда бы ножка хоть одна качалась,
Устойчивым сиденье б не осталось.

Чтоб быть ему устойчивым, должны
Все три его опоры быть равны.

Пусть же ценима будет благодать —
Уменье равновесье сохранять.

Все, что колеблется,— бывает ложно.
Все шаткое обычно ненадежно.

Какой бы суть предмета ни была,
Все, что колеблется,— источник зла.

Все, что колеблется, не тверже дыма.
И только ровное неколебимо.

Отягощенный жребием своим,
Властитель должен быть неколебим.

Лишь Правде я служу, и всякий люд
Идет ко мне, чтоб испытать мой суд.

Есть в мире справедливость, и она
И для владык и для рабов — одна.

И если бы я ей служить не мог,
На белом свете я бы жить не мог.

Ко мне пришедшие добры иль злы,
Я как бы разрезаю их узлы.

Пусть каждый, кто на суд ко мне придет,
Уйдет, вкусивши правосудья мед.

Те, что живут с неправдой заодно,
Пьянеют, выпив скверное вино.

Пусть им приносит суд мой отрезвленье —
В том вижу я свое предназначенье.

Кто б ни был ты — приезжий или здешний,—
Мой суд не будет строже иль поспешней.

Чужой ты человек или мой сын —
Суд одинаков и закон один.

Тот властелин, о ком дурная слава,
Судить и править не имеет права.

И только справедливое правленье
Несет владыкам жизни их продленье.

Один мудрец изрек такое слово:
«Путь Правды — вот правления основа.

В краю ближайшем или отдаленном
Пусть будет царь царем, закон — законом!»

Мое прозванье — Кюн-Тогды-элик.
Мне это имя мудрый дал старик.

Он выбрал это имя для меня,
Во мне увидя сходство с солнцем дня.

Я к людям щедр, как солнце, в чьем тепле
Родится все, что суще на земле.

Любой клочок земли не оскудеет,
В свой срок его луч солнечный согреет.

Я — царь земной, я, как рассвет зарю,
Закон и правду равно всем дарю.

Всем светит солнце; от его щедрот
И зеленеет всход, и сад цветет.

Так все народы под моею властью
И в год бесплодный пожинают счастье.

Не смотрит солнце: бел ты или нет,
Всем равно дарит и тепло и свет.

Как солнце, перед всеми я в долгу,
Как солнце, всем дарю я, что могу.

Взгляни на небо — в небе, как всегда,
В созвездье Льва горит моя звезда.

Пойми же суть мою, я царь земной,
Никто на свете быть не может мной.

Глава говорит о тщете человеческого счастья

Все Ай-Толды обрел, что он хотел,
Но год за годом шел, визирь старел.

И даже в счастье было проку мало,
Оно опору в старике теряло.

«Кто насладится всем,— сказал мудрец,—
Тот может тем приблизить свой конец.

Хоть обрели мы то, о чем мечтали,
Всем пользоваться можем мы едва ли».

Без счета мир нам не дает щедрот.
Что днем взойдет, все к вечеру сойдет.

Опорожнится водоем любой,
И превратится в спуск подъем крутой.

Коль жизни в нас останется лишь малость,
Велик ли толк в богатстве, что осталось?

Напрасны все желанья, все труды —
Пошел на убыль месяц Ай-Толды.

Трех состояний иссякала сила,
Четвертое три остальных сдавило.

Был желт лицом визирь, главою бел,
Вдох легок стал, а ум отяжелел.

Болезнь творила с ним все, что хотела,
Скрутила некогда прямое тело.

«Избыток крови!» — лекарь заключил
И кровь ему велел пустить из жил.

Ему давали крепкое вино.
Увы, не помогало и оно.

Итак, ни мази, ни кровопусканье
Не уменьшали тяжкого страданья.

Ничто не приносило облегченья,
Жизнь уходила, множились мученья.

Сказал мудрец, чья голова бела:
«Что травы, что целебная смола?

Тем, кто в нездешнее уходит царство,
Не помогает ни одно лекарство.

Живущим жизнь дают не навсегда.
Давайте жить, как будто ждем суда».

К визирю Ай-Толды пришел элик,
Увидел он больного желтый лик

И выразил сочувствие свое,
Спросил: «Как самочувствие твое?»

Больной ответил: «Хворь меня сильней,
Лекарства нету, чтоб бороться с ней.

Болезнь, давно обезобразив тело,
И сущности моей не пожалела.

Заходит солнце, гревшее меня,
Ночная тьма спешит на смену дня.

Жизнь, что всегда была дружна со мною,
Лик отвернула, встав ко мне спиною.

Веселье, сила, радости, желанья —
Исчезли, их сменило покаянье.

Настала расставания пора,
Не хватит мне дыханья до утра...

Прекрасен был бы жизни нашей свет,
Когда бы смерть не шла за жизнью вслед.

Когда бы счастье — много или мало,—
Придя однажды, нас не покидало.

Прекрасны нашей молодости дни,
Но старостью сменяются они».

Сказал элик: «О Ай-Толды, развей
Страх, недостойный мудрости твоей.

Во всех живых болезнь свивает кров,
Не может смертный быть всегда здоров.

Зачем же свой недуг усугублять,
Словами скорби дух свой ослаблять?

Ты сам поймешь, опять набравши сил,
Как зыбко все, что ты мне говорил.

Поверь словам моим — напрасен страх,
Болезнь пройдет, как дым, велик Аллах!»

Ответил Ай-Толды: «О мой элик,
Напрасно все — я вижу смерти лик.

Я не кляну судьбу, таков закон:
Уходит каждый, кто на свет рожден.

Спуск за подъемом следует всегда.
За ночью — день, за радостью — беда.

И, напоследок оглядев свой путь,
Я вижу, как моя ничтожна суть.

Я ухожу, смешон и жалок тот,
Кто говорит: «Пришедший не уйдет!»

Я боль тебе принес, моя ль вина?
Жизнь такова — всех предает она.

У нас нет силы смерти избежать.
От Азраила можно ль убежать?

Я волею чужой на свет рожден:
Меня замыслил Бог и создал Он.

Я молод был, и глуп, и неумел,
Но я возрос, так Он мне повелел.

Был безбородым много лет подряд,
Он сделал так, что стал я бородат.

И голову, что черною была,
Окрасил в цвет гусиного крыла.

Жизнь волей злой меня согнула вдруг:
Я был стрелой, теперь я словно лук.

Мудрец оставил завещанье нам:
«Коль стан твой крив, пусть разум будет прям.

Нам седина не предвещает благ,
Нам посылает смерть ее, как знак.

И если голова твоя бела,
Быстрее обели свои дела».

Сказал элик: «Прошу тебя, как друга,
Терпи, пусть яростен огонь недуга,

Он очищает, и его горенье
В прах превращает наши заблужденья.

Но стало бы пустынно под луной,
Когда бы каждый умирал больной.

Аллах излечивает нас от хвори!» —
Сказал элик и удалился в горе.

Аллаха умолял он: «Не гневись!»
И возносил он руки к небу, ввысь.

Он роздал бедным людям серебро
И ждал благословенья за добро.

О, если б жизнь зависела от платы,
Бессмертны были б те, что богаты.

Когда бы жизнь за деньги покупали,
Лишь бедняки бы в мире умирали.

Меж тем болезнь больного не жалела,
Дух Ай-Толды стремился прочь от тела.

И каялся визирь, лишенный сил:
«Жизнь не щадил я, лик ее чернил!

Цены не знал я юности и силе.
Всю жизнь лишь страсти мной руководили.

Могилу ту, к которой я иду,
Не сам ли рыл себе я на беду?

Копил богатство, но зачем оно?
Мне злато взять с собой не суждено!»

Больной стенал, но толку было мало:
Жизнь прожитую не начать сначала.

Людское счастье словно рыбка в море,
Тому, кто счастье не поймает,— горе.

Но ожидает и того беда,
Кто рыбку ту поймает без труда.

Иного гордым делает почет.
Он лишь пред смертью каяться начнет.

В еде разборчив тот, кто сыт всегда,
А для голодного и яд — еда.

...Винился Ай-Толды, взывая к Богу:
«Я истинную потерял дорогу.

Зачем спешил я по тюкам совать,
Что должен был я беднякам раздать?

Чему в угоду предал и убил
Все лучшее, с чем раньше связан был?

Зачем бессильного сбивал я с ног?
Не совершал добра я сколько мог.

В одном равны князь и простолюдин:
От жизни к смерти — путь для всех один!

Таков закон, пути иного нет.
Коль так, зачем я был рожден на свет?

Ужель рождался я, чтоб мертвым быть!
Ужель смеялся я, чтоб слезы лить!

Куда уйду, откуда я пришел?
Смерть или жизнь — что худшее из зол?»

Хоть жизнь сильна, но смерть еще сильней:
Смерть угрожает жизни с первых дней.

Живой о смерти думает всегда,
А неживой о жизни никогда.

Тот, кто не знает страха и страданья,
Встречает смерть свою без покаянья.

Кто наслаждается лишь суетой,
Покается, сгнивая под землей.

Кто хочет завтра всех достигнуть благ,
Пусть сделает благой сегодня шаг.

Все это понял бедный Ай-Толды,
Но поздно, чтобы избежать беды.

А позднее сознанье лишь мученья
Ему сулило вместо облегченья.

Он завещание друзьям оставил.
Все состоянье беднякам оставил

И поднял к небесам горящий взгляд:
«Аллах великий, как я виноват!

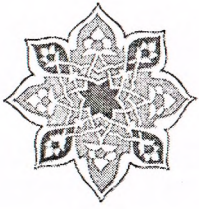
Я прахом был, Ты оживил меня.
Жизнь подарил до нынешнего дня.

Тебе еще служить бы я хотел,
Но Ты определяешь нам предел.

Неумный, что я знал и что я мог?
Дай руку, помоги, великий Бог.

Грешил, сходил я с Твоего пути,
Но Ты по доброте меня прости!

Я понимаю лишь в земных делах,
А там будь мне наставником, Аллах!»

Глава говорит о том, каким должен быть правитель, достойный власти

Промолвил Огдулмыш: «О мой элик,
Поговорим о качествах владык.

Чтоб быть достойным своего господства,
Необходимо хану благородство.

Своим отцам и праотцам подобен
Пусть будет властелин высокороден.

Чтобы страною управлять с умом,
Властитель должен обладать умом.

У глупых приближенные — льстецы,
У мудрых властелинов — мудрецы.

К властителю, что разумом богат,
Все тянется и все благоволят».

Сказал мудрец: «Властителю страны
Различные способности нужны.

Мы — внуки Евы — все без исключенья
Бываем неразумны от рожденья.

Лишь взрослым став, признанье и почет,
Постигнув знанья, каждый обретет.

Пусть властелин, чтоб быть ему счастливым
И справедливым будет, и правдивым.

Пусть будет хан, которому мы служим,
В своем народе самым мудрым мужем.

Берущий мало, но дающий много,
Пусть будет он таким — избранник Бога,

Чтоб власть владыки с самого начала
Добро и справедливость порождала.

Владыке нужен ум, чтобы умело
Он краем управлял со знаньем дела,

Чтоб он не восполнял нам в наказанье
Жестокосердьем скудость дарованья.

От зла, от заблужденья и коварства —
Ум властелина верное лекарство.

Немудрость хана — этот недостаток —
Ввергает всю страну его в упадок.

А мудрому владыке государства
Открыты оба мира, оба царства.

Давно сказал поэт нам в наставленье:
«Познание себя — равно прозренью!

А совершенство — это наша суть,
Когда она к добру находит путь!»

Пусть все берет властитель от щедрот,
Которые сей мир ему дает,

Но, принимая благо — дар земной,—
Пусть все же помнит он про мир иной.

Свет и добро, без коего мы нищи,
Необходимы нам не меньше пищи.

И не бывало, чтобы обошло
Возмездье тех, кто совершает зло.

Когда владыкой правят силы зла,
В его стране не ладятся дела.

Злой человек себе наносит вред,
И умный, он глупеет с юных лет.

Злость человека — этот тяжкий грех —
Страшней для сильных мира, чем для всех.

Свет ханов, добротою одаренных,
Ложится также и на приближенных.

Когда небезупречна совесть хана,
Дела его черны и речь обманна.

Пусть властелин себе и всем во благо,
Не осмотрясь, не делает ни шага.

Все взвешивай, всегда собой владей.
Гневливость — признак глупости людей.

Будь сдержан, будь степенен и спеши
Лишь с делом во спасение души!

Пусть тот, кто избран Богом всеблагим,
Не прослывет ни жадным, ни скупым.

Обычный человек поест — и сыт,
А жадный взять побольше норовит.

Он, ненасытный, все сгребает в рот,
Покуда смерть его не приберет.

Как жадный сын Адама ни богат,
Всеалчущий, он ничему не рад.

Ученые больших и малых царств
От жадности не могут дать лекарств.

Даритель счастья, немощи целитель,
Пусть обладает совестью правитель.

Пусть совесть хана — сей врожденный стыд —
Ему ко злу дорогу преградит.

Кому решает даровать почет,
Тому сначала стыд Аллах дает.

Владыка, что словам своим не верен,
Для сердца подданных своих потерян.

Несправедливость хана, лживость власти —
Причина неудач и всех несчастий.

Как полагаться на такого хана,
Чей ум несправедлив, а речь обманна?

Чтобы правленью хана быть счастливым,
Пусть будет сам владыка прозорливым,

Пусть никогда не забывает он,
Что меч над головою занесен,

Что все пути опасности таят,
Что и в иных речах таится яд.

Пусть помнит хан — велик он или слаб,—
Что, властелин людей, он божий раб

И что успех ему сулит дорога,
Намеченная по веленью Бога.

Будь милосерден к своему народу,
С усердием служи ему в угоду.

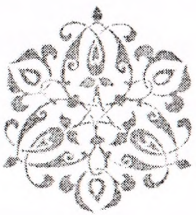
Пока ты жив, пока вершишь дела,
Будь справедлив, не делай людям зла.

Отсутствие в правителе коварства —
Залог удач и процветанья царства.

У ханов справедливых под рукой
Распространится счастье и покой.

Кто от рожденья ненавидит зло,
Живет счастливо и умрет светло.

Вот что я мог тебе сказать, элик,
О свойствах и о качествах владык».

Глава говорит о том, каким должен быть придворный

Сказал визирь: «О, власти нашей свет!
Живи и властвуй десять тысяч лет.

И при себе придворного держи,
Который чужд коварства, спеси, лжи.

Пусть будет добр он и в себе уверен,
Пусть будет горд, но не высокомерен.

Таким он должен правом обладать,
Чтоб излучать добро и благодать.

Чего страшиться нужно, пусть страшится,
Чего стыдиться нужно, пусть стыдится.

Пусть будет слух его открыт для тех,
Кого обходит счастье и успех.

Пусть он стремится делать все усердно,
Но пусть не горячится черезмерно.

Излишняя горячность портит дело.
Бедой чревато пламя без предела.

Пусть будет чист он, пусть врожденный стыд
Его от злого дела оградит.

Порою чистота сильнее власти —
Она к себе притягивает счастье.

Придворный будет пусть остер на слово,
Чтоб собеседника увлечь любого.

Пусть знанья постигает он прилежно:
Зачем властителю слуга-невежда?

Хоть зряч незнающий, но он — слепец.
Хоть жив пока еще, но он мертвец.

Лишь знаньем может человек любой
Себя возвысить над самим собой.

В незнании беспомощны невежды,
А знанья — как защитные одежды.

Пусть, как и подобает приближенным,
Слуга твой будет мудрым и ученым.

Неумный сходен с деревом бесплодным:
Хоть и красиво, что с того голодным?

А перед мудрым делаются шире
Дороги все и в том и в этом мире.

Придворный — тень твоя, пусть будет он
Красив лицом и хорошо сложен.

Чтоб все, с кем предстоит ему общенье,
Встречали радостью его явленье.

Бывает так, что красота лица
Приоткрывает души и сердца.

Пусть светлый ликом твой слуга придворный
Не будет и душой своею черный.

Пусть он страдает болью всех людей,
Пусть он считает эту боль своей.

Слуга твой должен проявлять уменье
С любым из подданных вступать в общенье,

Уменье речь вести издалека,
Лишь сахар источая с языка.

Коль будет грустен — пусть он грусть скрывает,
Улыбки людям пусть он расточает.

Ценней любых мирских щедрот улыбка.
В плен собеседника берет улыбка.

Пусть будет тот, кого элик пригрел,
Хозяином и слов своих, и дел.

И не вступают пусть в противоречье
Его дела и разуменье с речью.

Пусть в деле он проявит пониманье.
Пусть будет он не чужд чистописанья.

Пусть будет он писец и письмовод.
Открой ему в свои покои вход.

Пусть входит в твой чертог, когда захочет,
В любое время дня или же ночи.

Придет к тебе посол иноплеменный —
Пусть будет рядом друг твой приближенный.

Пусть, говоря с ничтожным иль великим,
Блюдет он пользу своего владыки.

Пусть вдов он выслушает и сирот,
От голода голодных пусть спасет.

Не только добрым пусть он даст лекарство,
Но даже тем, кто сам не чужд коварства.

Судить начнет, пусть судит непреклонно,
Не позабыв обычья и закона.

Утешит пусть скорбящих, несчастливых,
Просящих выслушает терпеливо.

Пусть сам он им поможет, если может,
А сам не сможет, пусть тебе доложит.

Встречая лиц никчемных и пустых,
Пусть ограждает он тебя от них.

Пусть будет он тебе дороже друга.
Ты в чем-то преуспел — его заслуга.

Пришли к тебе плохие времена —
В какой-то мере в том его вина.

Вот в чем твой приближенный — мы считаем —
Обязан оставаться несгибаем:

Он должен отбирать тебе друзей
И знать о всякой прихоти твоей.

Он должен быть умней других людей,
Он должен быть сильней своих страстей.

Пусть он придет, когда ты позовешь.
Пусть речь начнет, когда ему кивнешь.

Любому слову должен он внимать,
Но собственный язык в узде держать.

Чтоб он из слов владыки ничего
Не вынес дальше сердца своего.

Кто уст не запирает на замок,
Теряет голову свою не в срок.

Вот что, властитель, я сказать могу
Про твоего ближайшего слугу».

Глава говорит о том, каким должен быть Муж, назначаемый посланником

«Не торопясь, элик, решай дела
При назначенье нового посла.

Пусть вступит на чужие берега
Достойный божий раб и твой слуга.

Ему нелегкий путь предуготован,
Пусть будет он умен и образован,

Чтоб все твои дела в краях чужих
Он возвышал своим участьем в них.

Пусть будет твой посол не чужд уловок,
Владея словом, пусть он будет ловок,

И подтвердить пусть будет он готов
Улыбкою своей правдивость слов.

Но пусть, слова обдумывая чьи-то,
Он понимает, что за ними скрыто.

В чужих краях, элик, твои дела
Зависят от способностей посла.

...Твой подданный, что к золоту стремится,
Для должности посольской не годится.

Бедняк, кому до золота нет дела,
Богаче всех, кем жадность овладела.

Людей, которых жадность победила,
От жадности избавит лишь могила.

Довольного средь жадных не бывало:
Чем ни владел бы он — ему все мало.

Мне хочется напомнить изреченье,
Дарующее людям утешенье:

«Бедняк, довольный жизнью,— властелин,
А жадный шах — себе не господин.

Иной богач у скупости во власти
Бедней раба, что выше этой страсти.

Кто хочет стать поистине богатым,
Овладевает знаньем, а не златом».

...Путь будет твой посол добросердечен,
Умом и бескорыстием отмечен,

И скромность в довершение всего
Пусть будет украшением его,

Чтоб с ним никто не избегал сближенья
И не терял, сближаясь, уваженья.

Пусть принимает твой посол участье
В судьбе друзей, в том обретая счастье.

Я повторю: лишь доброта и знанья
Приводят к исполнению желанья.

Пусть тот, кого назначишь ты послом,
Каким-нибудь владеет ремеслом,

Пусть в нем живет любовь к письму и чтенью,
Пусть отдает он дань стихосложенью,

Пусть не жалеет времени и сил
На изучение ночных светил.

Пусть уделяет должное вниманье
Искусству знахарства и врачеванья.

Пусть в шахматы играет он и в кости
И развлекает приходящих в гости.

Пусть будет он наездником, стрелком,
Охоты соколиной знатоком.

Пусть многих языков владея знаньем,
Он будет дружен и с правописаньем.

Когда хорош посланник властелина,
Для радости владыки есть причина.

Меж тем как глупый и плохой посол —
Источник многих бед и многих зол.

Посланник всеми свойствами своими
Твое чернит иль возвышает имя.

И тот, кто будет у тебя в послах,
Пусть говорит на разных языках,

Но помнит, что уменье что-то скрыть
Порой ценней уменья говорить.

Достигнув без труда любых высот,
Мудрец при жизни обретет почет.

А человек, рожденный бесталанным,
Дожив свой век, уходит безымянным.

...Пусть тем мужам, кто любит пить вино,
Послами стать не будет суждено.

Напомню то, что всем давно известно:
Любовь к вину и верность не совместны.

И скромные в хмелю не знают меры,
Для пьяного ни долга нет, ни веры.

Порой, когда хмельная голова,
Слетают с языка не те слова,

Вытягивает из людей вино
Наружу то, что скрытым быть должно.

Мудрец глупеет от любви к вину.
Глупец еще быстрей идет ко дну...

Пусть тот, кого пошлешь ты с важным делом,
Прекрасен будет и душой и телом.

Я повторю: назначь послом такого,
Который обладал бы даром слова:

И злого человека сладкой речью
Располагаем мы к мягкосердечью.

Речь — это меч посла; и если в деле
Она остра — посол достигнет цели.

...Так отыщи достойного и смело
Ты поручи ему любое дело.

Пошли его, доверья не тая,
В далекие и в близкие края».

Услышав эту речь, сказал элик:
— Все то, что ты поведал, я постиг!

Глава говорит о том, каким должен быть писец

Чтобы слова владык служили благу,
Слова должны быть вписаны в бумагу.

Чтоб становилась мысль владык законом,
Писец всегда пусть будет рядом с троном.

Все, что узнает,— много иль немного,—
Писец пусть в тайне сохраняет строго.

Писец словцом обмолвится случайным,
И станет явным все, что было тайным.

Как ты ни будешь тайн своих хранить,
Двум людям должен тайны ты открыть.

Визирь и писарь — вот они, те лица,
Которым ты не можешь не открыться.

Но чтоб властитель доверять им мог,
Пусть будет на устах у них замок.

Слетают с уст бездумные слова,
А с плеч потом слетает голова.

Нам правило мудрейшее из правил
Один достойный властелин оставил:

«О вы, писцы, чьи так проворны перья,
Достойны будьте чести и доверья.

Исходят с губ то пламя, то вода.
От слов бывает благо и беда.

Коль слово станет влагой — добрый всход
От слова сокровенного взойдет.

Но говорящих и самих живьем
Сжигает слово, ставшее огнем».

У тех из нас, кто истинный мудрец,
Хранятся тайны в глубине сердец.

Держи, мудрец, что знаешь, под замком,
Что разболтаешь, не вернешь потом.

Будь молчалив, как мудрые мужи.
Язык всегда на привязи держи.

Чтобы писец, как надо, делал дело,
Во-первых, должен он писать умело,

Быть памятливым, понимать во многом,
А также обладать красивым слогом.

Он должен руку плавную иметь,
Из речи выбрать главное уметь.

Что пишут понимающей рукой,
Дарует и читающим покой.

Писец, что при дворе служить привык,—
Рука правителя, его язык.

Законы, указующие речи,
Ты изречешь, писец увековечит.

Того, что начертают на листах,
Года не могут превратить во прах.

Не напиши писец разумных строк,
Читающий что прочитать бы мог?

Кто б знал, как правил хан и что с ним сталось,
Когда б об этом грамот не осталось?

Когда б на свете не было письма,
Была бы жизнь затруднена весьма.

Как бы страна общалась со страной?
Они бы друг на друга шли войной.

Любому повелителю страны
Три основных служителя нужны:

Визирь-мудрец, слуга правопорядка,
Писец, что пишет правильно и гладко,

И, наконец, стране необходим
Воитель, славный мужеством своим.

Визирь-мудрец совет подаст владыке,
Писец распространит указ владыки.

Воитель армию направит в бой,
И склонится пред нею враг любой.

Коль эти трое действуют едино,
Благополучно царство властелина,

Поскольку в царстве весь иной народ
За этими тремя вослед идет.

Мечом владенья можно укрепить,
Пером порядок в них установить.

И мудрость шаха в том, что б знать, где нужно
Употреблять перо, а где оружье.

Стекает кровь с меча — страна растет.
Стекает тушь с пера — казна растет.

Но если выбор есть — зло иль добро,
Мечу должны мы предпочесть перо.

Писец пусть будет суеты лишен,
Пусть будет мудр и жизнью ублажен,

И, озаренный светом высших истин,
Пусть будет он богат, но бескорыстен,

Когда корысть писцом руководит,
Не знает дела он, теряет стыд.

Такой не думает о том, что пишет.
Звон серебра — он только это слышит.

В корысти не щадя ничьих голов,
Лишится он своей в конце концов.

Писец, что пьет, для дела не годится.
Он пишет, а в глазах его двоится.

Писец владыке истинный слуга,
Когда писцу лишь служба дорога.

Когда он, перья заострив с любовью,
Всегда стоит у двери наготове.

Лишь службу выполнять ему дано.
Не курит он табак, не пьет вино.

Слуге такому не жалей щедрот,
Пусть в час любой писец к тебе войдет.

Пред ним пошире двери отвори,
Почти доверьем, гнев свой усмири.

Писец, он облегчит твое правленье,
А ты вознагради его служенье.

Глава говорит о качествах, необходимых казначею

Сгубило золото немало душ.
Быть казначеем должен стойкий муж.

Ведь надо для занятья этим делом,
Чтобы собой, как числами, владел он.

Услышать можно от иного мужа:
Прекрасна жизнь, но золото не хуже!

О золото, его всесилен гнет,
Оно и несгибаемого гнет.

И тот, кто кажется неколебим,
Порой не может устоять пред ним.

Иной в душе корыстолюбью враг,
А золото увидел — и размяк.

Кто перед властью золота спокоен,
Тот называться праведным достоин.

Пусть казначей страшится гнева Бога,
Пусть сам себя за слабость судит строго.

Пусть для него не будет незаметным
Раздел меж разрешенным и запретным.

Пусть отличает доброе от злого,
Свое добро от золота чужого.

Пусть казначей не будет бедняком,
Пусть будет с блеском золота знаком.

Для тех, кто с детства к золоту привык,
Соблазн разбогатеть не столь велик.

Когда бы человек боялся Бога,
Была бы праведной его дорога.

О праведность! Она превыше злата,
И нищий с нею будет жить богато.

Будь праведным — не будешь знать сомнений,
Тем лучше мир, чем сам ты совершенней.

Будь добрым, справедливым и правдивым,
Ведь быть таким и значит быть счастливым.

Для казначейства нужен муж достойный,
Чтоб совесть у него была спокойной.

Пусть казначей не будет чужд стыда:
Стыд для плохого помысла — узда.

Пусть опекает тот твою казну,
Кто не питает слабости к вину.

Владеть казною пьющий не сумеет:
Он и самим собою не владеет.

Казну он разбазарит, наградив
И тех, кто плох, и тех, кто нерадив.

Скупцами казначеи быть должны,
Их скупость — неподкупный страж казны.

Пусть будет ханским казначеем тот,
Кто знает счет и счет всему ведет,

Приход, расход — все в книги занесет,
Проставит месяц, и число, и год.

Хоть память крепкая — большое благо,
Но все ж надежней памяти бумага.

Пусть он постигнет тонкую науку —
Уменье разбирать любую руку.

Пусть будет он разумен, ибо разум
Увидит то, что не увидишь глазом.

Мудрец, что понял суть явлений разных,
Противится успешнее соблазнам.

Ум — это шах, он за собой ведет
Семь наших чувств — они его народ.

Обычно в людях широта души —
Едва ль не лучшая черта души.

Но я молю о милости большой,
Чтоб не был казначей широк душой.

Тому, кто ведает добром чужим,
Полезней быть не щедрым, а скупым.

Пусть и в торговле будет он скупцом,
Чтоб потягаться мог с любым купцом.

Давая что-то или же беря,
Пусть казначей не горячится зря.

Пусть расточает мед его язык,
Будь собеседник жалок иль велик.

Пусть казначей спешит долги отдать,
Чтоб мог занять когда-нибудь опять.

Не возвращая вовремя долгов,
Друзей мы превращаем во врагов.

Сынам своей или чужой земли
Того, что дать не можешь, не сули.

А если посулил — отдай сполна:
Доверие ценнее, чем казна.

Твоим казнодержатель платит слугам,
Пусть он их награждает по заслугам.

Ведь если он нечестен, вороват,
Они тебе служить не захотят.

Терпя несправедливость от казны,
Они тебя осудят без вины.

Найди же казначея, чтобы он
Был и умен, и честен, и учен.

И если он доверия достоин,
Вручи ему казну и будь спокоен.

Глава говорит о том, каким должен быть главный повар

Необходим, чтобы справляться с делом,
Служитель чистый и душой и телом,

Чья преданность и честность несомненны,
Что б нощно он прислуживал и денно,

И чтоб за господина в час любой
Готов он был пожертвовать собой.

Известно всем, что не одно добро
Проходит через глотку к нам в нутро.

Чем повар твой надежнее и лучше,
Тем непреложнее б[illegible]ого получье.

У трона есть враги, и не напрасно
Элик считает: есть не безопасно.

Владыке нужен преданный слуга,
Кому судьба престола дорога,

Чтобы слуге мог верить властелин,
Как своему отцу любимый сын.

Когда придворный повар вороват,
Что остается ждать от поварят?

Вокруг воров всегда снуют воришки,
Они крадут не только что излишки.

Один весьма почтенный человек,
Продумав все, такую мысль изрек:

«То дорого бывает нам всегда,
Во что немало вложено труда.

То, что душою нашей овладело,
Становится привязанностью тела.

Заботы жизни не пугают мужа,
Жизнь вовсе без забот гораздо хуже.

Когда с трудом нам в жизни все дается,
Для жалоб времени не остается».

Пусть будет твой служитель приближенный
Муж праведный и удовлетворенный.

Чтоб ты, чьим землям ни конца, ни края,
Мог доверять ему, не проверяя.

Тем, что доверье к людям проявляем,
В какой-то мере век мы свой продляем.

А если без доверья будешь править,
Научишь слуг бояться и лукавить.

Пусть ведает приготовленьем пищи
Служитель всех других честней и чище.

Зависит счастье от того твое,
Насколько чисты пища и питье.

Недаром дух бывает чист, когда
Чиста посуда и чиста еда.

Нечистых, чтобы избежать беды,
Держи подальше от своей еды.

Чтоб приходил к тебе достойный друг,
Необходима в доме честность слуг.

Пусть в доме том, где все вершится честно,
Ни в ком неверности не будет места.

Благополучье покидает дом,
Когда нечестность обитает в нем.

Где вероломство проникает в душу,
Там даже море обнажает сушу.

Пусть будет строен муж, кормящий нас,
Его краса пусть наш ласкает глаз.

Чтоб яства расставлял он, как цветы,
Есть у красивых чувство красоты.

Слуге не грех уметь себя вести —
Легко войти и вовремя уйти.

Служа тому, от чьих живет щедрот,
Свое пусть имя повар бережет.

Цари и слуги — все мы уязвимы:
О чести думать с юных лет должны мы.

Готовят хоть не головой — руками,
Пусть повара не будут дураками.

Мы лишь умом отличны от скотов.
Лишь умный жертвовать собой готов.

И вообще свершить достойных дел
Дурак не может, как бы ни хотел.

Злым людям люди глупые сродни,
Способны только враждовать они.

Я все сказал, что знал о поварах,
Пусть верных слуг пошлет тебе Аллах.

Пусть будет у тебя слуга такой,
Чтоб с ним обрел ты счастье и покой.

Одгурмыш говорит Огдулмышу о недостатках и пороках этого мира

Считает истиной весь белый свет:
«В том, что любимо, недостатков нет!»

Ты ослеплен и, слепо жизнь любя,
Считаешь светлым все вокруг себя.

Так недостатки друг прощает другу
И даже ставит их ему в заслугу.

А я не ослеплен и, может быть,
Смогу тебе на мир глаза открыть.

Вкусила Ева сладкий плод познанья
И в этот мир попала в наказанье.

Чего ж нам ждать от мира, если он
Как некая темница сотворен?

Какого счастья ждем мы от темницы,
Где нам с тобой случилось очутиться,

Где люди весь свой век страдать должны
Во искупление чужой вины?

А если так, чем этот мир хорош,
Какое счастье в нем ты обретешь?

Все то, что счастьем кажется на вид,
От истинного счастья отдалит,

От высшей правды отдалит тебя,
Гордыней лишь обогатит тебя.

Со дня рожденья смерть таится в нас
И ждет, когда ее настанет час.

В подлунном мире, в мире суеты,
Что, проходящий путник, ищешь ты?

Ты в этот мир пришел и бос и гол,
Покинешь мир таким же, как пришел.

Есть в этом мире двое врат больших:
В одних воротах — жизнь, а смерть — в других.

И тот, кто через первые пройдет,
Не сможет обойти вторых ворот.

Жизнь схожа с тенью: не догонишь тень,
Хоть гонишься за ней весь божий день,

А если от нее бежишь ты сам,
Тень за тобою мчится по пятам.

Кто жизнью дорожит, тех губит жизнь,
Кто от нее бежит, тех любит жизнь.

Свое лицо она сурьмит, блудница,
Как женщина, завлечь тебя стремится.

Мы за красавицей бежим стремглав —
И вдруг старуху ловим за рукав.

Есть среди благ земных три вида разных
Благ: чистых, и нечистых, и неясных.

Все чистые одною схожи метой:
Мы, люди, их не ценим в жизни этой.

Нечистые в том мире ждут расплаты,
Здесь муками неясные чреваты.

Подарит жизнь тебе счастливый год,
Но он уйдет и счастье унесет.

Ведь радость — это дерево, и жаль,
Что корень всякой радости — печаль.

Что говорит о мире прозорливый:
«Плох этот мир, неверный он и лживый!

В нем все увянет, что ни зацветет,
Мы, люди, нищи от его щедрот!»

Уходит жизнь быстрее что ни час,
Приходит смерть, чтоб поселиться в нас.

Наступит уходящему конец,
О приходящем думает мудрец.

Умно ли строить на дороге дом,
Обзаводиться путнику добром?

Мы здесь прохожие, и край земной
Лишь караван-сарай для нас с тобой.

Соблазнами он смертных искушал,
Чтоб превратить в торговцев и менял.

Но то, что мир сулил тебе и мне,—
Приманкой было в птичьей западне.

Людская жадность — пагубная страсть,
Нам в западню не мудрено попасть.

Мы видим только лакомый кусок,
Ловца не видя, мы летим в силок.

Есть у людей три радости земных:
Обилье пищи — первая из них,

Здоровье — вот для нас вторая радость,
Любовь — последняя земная радость.

Но люди неумеренны в еде:
Приводит радость первая к беде.

Обильная еда содержит яд,
Недуг — посланник смерти, говорят.

Посланник этот к нам приходит вскоре,
И снова радость переходит в горе.

За радости любви — любви земной —
Мы тоже платим дорогой ценой.

Родятся дети, и пойдут заботы,
На этом свете нас согнут заботы.

Как видишь, в этом мире счастья мало,
И все, что сладко, сладко лишь сначала.

Так в чем блаженство мира твоего,
Когда печальны радости его?

...Для смертного богатство — злейший враг,
Ты в этот мир пришел и бос и наг.

Все блага, все имущество земное —
Подарки недруга, не что иное.

Послушай, друг мой, слово мудреца,
Он говорит: «Желаньям нет конца.

Коль овладел ты всем, чего хотел,
Ты вновь чего-то хочешь; где ж предел?»

Богатство мог бы я сравнить с конем —
Пока он легок, ты летишь на нем.

Но конь ленив, когда не в меру сыт,
Хозяина он сбросить норовит.

Богатство с гончим псом сравнил мудрец:
Поджарый пес — помощник и ловец.

Но если пес раскормлен — проку нет:
Ложится он в траву, теряет след.

Твой сытый пес не годен ни к чему,
Не он тебе слуга, а ты ему.

...Сегодня жив ты, можешь пить и есть,
А завтра жив ты будешь ли? Бог весть!

За эту жизнь цепляться для чего?
На женщин хватит часа одного.

Чтоб погасить свою слепую страсть,
Не все равно ли, к чьим губам припасть?

Чтоб ты ни ел: халву или пшено,
Чем насыщаться, чреву все равно.

И чем бы ни насытился вчера,
Сегодня вновь ты голоден с утра.

Послушай, что об этом обо всем
Сказал бедняк, богатый лишь умом:

«Ты сахар ешь — я хлеб вчерашний ем,
Я бос и гол, а ты владеешь всем.

Богатство ты собрал, но пробил час,
Далекий путь зовет обоих нас,

И надобны в пути доска одна
Да два куска простого полотна.

Мы на земле богаты и бедны,
А под землей для смерти все равны».

Богатство как соленая вода:
Мы пьем и не напьемся никогда.

Похожи люди на сухой песок.
Он поглощает дождь, а все не впрок.

Людская жизнь что искра, что звезда:
Мелькнет на миг — погаснет навсегда.

Что говорит умнейший из людей,
Хозяин, а не раб своих страстей:

«Достойным оставайся, человек!
Богатству не сдавайся, человек.

Твоя душа, как жертва святотатства,
Легко погибнет под ножом богатства!»

Тебя богатство, заманив в свой круг,
Окрутит паутиной, как паук,

И знанье не найдет к тебе пути:
Ему сквозь паутину не пройти.

Таков наш мир, что населен людьми...
Все, что сказал я, правильно пойми.

Глава говорит о том, как надо обходиться с учеными

Есть на земле сословие ученых,
Что поучает нас, непросвещенных.

Нам мудрецы указывают путь,
Их добрым словом надо помянуть.

То, что тебе в их знаниях сродни,
По мере сил пойми и примени.

Наш мир украшен разумом ученых,
Их знанья — корень праведных законов.

Не будь у нас ученых мудрецов,
Зачахла бы земля в конце концов.

Их знанья — светоч; если он зажжен,
Твой путь средь ночи светом озарен.

Отдай ученым все добро свое,
Поставь для них еду, поставь питье.

Мы стадо — и не боле, а мудрец
Ведет нас полем, как чабан овец.

Дружи с ним, дорожи его советом
В мирах обоих: в мире том и этом.

Глава говорит о том, как надо обходиться с врачами

Есть средь мужей, чьи безграничны знанья,
Врачи, что облегчают нам страданья.

Средь мудрецов целители болезней
Других ученых, может быть, полезней.

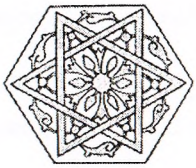
Болезнь, что к нам является нередко,
Опасна тем, что смерть ее соседка.

Болезнь, коль ей страдает человек,
Его короткий сокращает век.

Болезнь коварна, но ее коварство
Обезоружат лекарь и лекарство.

Порой приводит полумертвых в чувство
Целителей великое искусство.

Будь благодарен этому сословью.
Труд лекарей вознагради любовью.

Глава говорит о том, как надо обходиться с теми, кто лечит заговором

Еще бывают мудрецы, которым
Дано целить болезни заговором.

Произнося мудреные слова,
Они нас лечат не без колдовства.

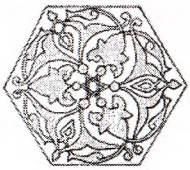
В их ремесле большая польза есть,
А их искусность делает им честь.

Коль хочешь пользоваться их уменьем,
То к заговорам относись с почтеньем.

Смиряется иной болезни норов
Не от лекарств, а лишь от заговоров.

Искусный муж спасет тебя от сглазу:
Он порчу выгонит, как врач — заразу.

Сей муж весьма достоин и учен,
Не знает врач того, что знает он.

Глава говорит о том, как надо обращаться с поэтами

Теперь к поэтам обратим мы взгляд:
Они людей возносят и хулят.

Созвучьями окованная речь
Тонка, что волос, и остра, что меч.

Прекрасен стих, но чтоб судить об этом,
Я дам тебе совет: внемли поэтам.

Богатство моря — жемчуг и коралл —
Тот не добыл, кто в волны не нырял.

Больших людей поэт хулой ославит
И незаметных похвалой прославит.

Хоть скромен сочинитель, хоть велик,
Не вешай камня на его язык.

Пусть будут все дела твои светлы,
И ты его заслужишь похвалы.

Пойми поэта, грусть его и боль,
Все дай ему и все ему дозволь.

Когда его правдива будет речь,
Ты сможешь пользу из нее извлечь.

Глава говорит о том, как надо обращаться с земледельцами

Нас кормит землепашцев честный труд,
Хоть это бедный и безвестный люд.

Они на поле проливают пот,
Чтоб мы не знали горя и забот.

Чтоб мы страданий голода не знали,
Они живут в страданье и печали.

Они весь век свой пашут, полют, сеют,
Утробы наши холят и лелеют.

Будь с землепашцами всегда хорош:
Ты их преуспеванием живешь.

Будь добр и честен с этими людьми,
Их простоту в пример себе возьми.

Мудрец, что в правоте своей уверен,
Дает совет нам: «Будь во всем умерен!»

Коль хочешь ты чего-нибудь добиться,
Желаниям своим найди границы.

От грязи душу береги и тело,
Чтоб порча и тобой не овладела.

Старайся обходить земную грязь,
Не знайся с тем, в ком порча завелась.

Но есть ли человек честней и чище,
Чем пахарь, что людей снабжает пищей

И, не жалея, людям раздает
Все, что от Божьих получил щедрот?

Хоть пахарь прост, пред ним, неименитым,
Держи всегда лицо свое открытым.

Глава говорит о том, как надо обходиться со скотоводами

И скотоводы есть среди людей,
Они пасут овец и лошадей.

Объездчики кобыл и жеребцов,—
Средь них, быть может, нету мудрецов.

Но хоть никто не грамотей из них,
Они не хуже всех людей других.

Неся тяжелую на спинах кладь,
Они ее не помышляют снять.

От их щедрот берет весь прочий мир
Кумыс кобылий и овечий сыр.

Из тех, кто мясо ест и носит кожи,
Никто без их труда прожить не может.

Есть польза и тебе от сих людей,
Поэтому цени их и жалей.

Ты с ними обращайся, как с людьми,
Что просят — дай, что надо — с них возьми.

У них закона нет до сих времен.
Сказать точнее: свой у них закон.

У них ни знаний нету, ни ума,
Они идут — и перед ними тьма.

И все ж таки они достойны счастья.
В судьбе их должен ты принять участье.

Глава говорит о том, что следует отдавать должное купцам

Торговцы земледельцу не сродни:
Торговлей пробавляются они.

«Где что продать» — мечту лелея эту,
Спешат купцы, идут по белу свету.

Там взять, а там отдать — вот их удел.
Они других не знают в жизни дел.

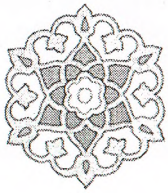
Весь мир и все сокровища земли
Купцы скупили б, если бы могли.

Из края в край они идут свободно,
Гадая, что купить тебе угодно.

Вся жизнь купцов — скитание, дорога,
А потому у них и знаний много.

Не будь купцов, нам всем жилось бы хуже —
Брели б мы сами по жаре и стуже.

Не странствуй люд торговый — мы едва ли б
Заморский шелк и жемчуг увидали б.

Глава говорит о том, как надо обращаться с бедняками

О бедняках поговорить пора,
Для бедняков ты не жалей добра.

Будь простодушен с бедными людьми,
Коль накормить их можешь — накорми!

За все, что сделал им, они стократ
Молитвою тебя вознаградят.

Дай пищу бедным, предоставь им кров:
Молитва их ценней твоих даров.

Не тот, кому мы дарим серебро,—
Аллах нас награждает за добро.

Коль бедный человек — проситель твой —
Пришел к тебе с поникшей головой

И он от твоего зависит слова,
Ты с ним не разговаривай сурово.

Коль будешь ты для бедняков хорош,
В мирах обоих счастье обретешь.

Глава о том, как надо обращаться с ремесленниками

Пусть славится ремесленный народ!
Богатство он руками создает.

К себе приблизь искусных мастеров,
Тебе не обойтись без их трудов.

Гончар и ткач, сапожник и седельник,
Ковач, пирожник, оружейник, мельник,

Припомни сам — мне всех не перечесть,—
Кто там еще в сословье этом есть.

Богатства те, что видим мы вокруг,—
Все это дело их искусных рук.

Будь с ними обходителен и дружен,
Тебе их труд, как хлеб насущный, нужен.

Ты мастера заботою порадуй,
Его работу одари наградой.

Дай больше льгот ремесленному люду,
И твой народ тебя прославит всюду.

Один бедняк, что был за мудрость чтим,
Однажды так сказал друзьям своим:

«О жизни долгой не молись, живущий,
Лишь к славе доброй ты стремись, живущий.

Жизнь — злато, что пускают в оборот,
А имя — твой убыток иль доход.

Свое прославил имя — ты богач,
Ты обесславил имя — горько плачь.

Мы смертны, мы уходим, а народ
Иль славит наше имя, иль клянет».

Глава говорит о женитьбе

Подумай перед тем, как брать жену,
Какую должен ты искать жену.

Ищи такую, чтоб была она
Умна, и домовита, и скромна.

Чтоб взгляд и юноши и старика
Пленялся ею лишь издалека.

Чтоб для нее до смерти неминучей
Ты был единственный, а значит — лучший.

Подумай также, какова семья,
Где родилась избранница твоя.

За громким именем не стоит гнаться,
Ведь именем жены тебе не зваться.

Послушай слово мудрого и делай,
Как говорит он, опытный и зрелый:

«Ищи невесту, у которой гладки
Не столь бока и щеки, сколь повадки,

Чтоб не черты лица, черты души
У нареченной были хороши».

Что для мужчины может быть соблазном?
Одни пленятся обликом прекрасным,

Другие знатных выбирают в жены,
Жениться на богатых третьи склонны.

Четвертые хотят, чтобы жена
Была чистосердечна и скромна.

Ты хочешь знать, кто прав из них, кто нет,
Прислушайся, я дам тебе совет:

Тот, кто нашел богатую жену,
До смерти будет у жены в плену.

Богатая на мужа-бедняка
Смотреть все время будет свысока.

Браниться будет, попрекать со зла,
Считать, что мужа в слуги наняла.

Мне жаль мужей, которые должны
Склоняться перед именем жены.

Высокородством гордая жена
Всегда с безродным мужем холодна.

Всю жизнь он будет хмур, его судьба —
Быть при жене смиреннее раба.

Несчастен муж красавицы жены —
Он желт лицом, года его черны.

Ценитель красоты не он один,
Ведь есть глаза и у других мужчин.

Он будет, бедный, до скончанья дней
Не муж своей жены, а страж при ней.

С женой своею будет счастлив тот,
Кто честность в ней и доброту найдет.

Пусть красотой не славится она —
Душой красавица твоя жена.

Чванливой ты не угождал родне,
Высокородства не искал в жене.

Но честь и добродетели ее
Возвысят имя скромное твое.

Не гнался за богатою женой,
Не торговался ты с ее родней,

И все ж таки богатство может быть:
Жена тебе поможет накопить.

И если ты богат такой женой,
Считай, что четырех нашел в одной.

Глава говорит о том, как надо воспитывать сына и дочь, если они родятся

Когда в семье ребенок народится,
Не надо понапрасну суетиться.

Для дома, для ухода за детьми
Из чистоплотных женщину возьми.

Учи детей приличью, знаньям, коих
Им бы хватило для миров обоих.

Дай сыну в руки знанье ремесла,
Чтоб горя жизнь ему не принесла.

Пусть он не будет по отцовской воле
Никчемным, как невспаханное поле.

Мне время подошло свернуть с пути,
Чтоб речь на дочерей перевести.

Тебе судьба могла бы сделать милость,
Чтоб вовсе дочь на свет не появилась.

А если небо дарит дочерей,
Пусть забирает их земля скорей.

Для них могильный камень до сих пор
Единственный надежный был запор.

Коль в доме дочь — недалека беда:
Держи ворота на замке всегда.

Все дочери купи, но не дай Бог,
Чтобы она глядела за порог.

Ведь говорят: не пожелает разум,
Чего своим мы не увидим глазом.

Запри ворота, ставни опусти:
Девицам жить полезно взаперти.

Блюди их честь, пусть не теряют чести,
Усевшись пить и есть со всеми вместе.

Чтоб им не знать сомнений и соблазнов,
Пусть избегают развлечений праздных.

Одна у женщин добродетель есть —
Она их незапятнанная честь.

Садовник куст сажает и растит,
Плод созревает, смотришь — ядовит.

Что говорить, когда и мудрецы —
Порою несчастливые отцы.

И нам с тобою сосчитать едва ли
Мужчин, чей разум жены иссушали.

Беречь не просто дочерей своих:
Пусть небеса оберегают их!

Глава говорит о том, как приглашать в гости и как принимать приглашение

Когда гостей решился пригласить,
Подумай, что им есть и что им пить.

Питье и яства приготовь искусно,
Чтоб угощенье выглядело вкусно.

Пусть чистотою услаждают взор
И скатерть, и посуда, и ковер.

Зовя гостей, не позабудь кого-то,
Придет он или нет — его забота.

Но не позвал кого-нибудь — беда,
Обида не простится никогда.

Обида долговечней человека,
Ее загладить не хватает века...

Гостей в свой дом введи и друг за другом
Всех рассади по чести и заслугам.

Следи, чтобы еда не иссякала,
Подай еще, коль остается мало.

Пьет человек — еще ему налей,
Ест человек — еды не пожалей!

Пусть будет для гостей всего в избытке,
Там, где еда, пусть будут и напитки.

Когда кувшина рядом нет с едой,
Она и ядом станет, и бедой.

Еще не пожалей для приглашенных
Сластей, плодов, и свежих и сушеных.

Когда устанут гости пить и есть,
Дверь отвори, благодари за честь.

Пусть каждый гость — простой ли, именитый —
Идет домой, довольный всем и сытый.

Неоднороден человечий род.
Средь тех, кто в гости зван и кто зовет,

Бывают люди самых разных правил;
Я кратко описание составил:

Один и принимает приглашенье,
И жадно поглощает угощенье,

А сам, глядишь, гостей он не зовет:
Какой от них барыш? Какой доход?

Другой, как говорят, наоборот:
Сам ходит к людям и к себе зовет.

А третий, этот в гости не ходок:
Он сам себе хозяин и едок.

Не то чтоб не любил он пировать,
Он к нам не ходит, чтоб к себе не звать.

Четвертый только дома ест и пьет,
Но кто живет окрест, он всех зовет.

Все, чем владеет сам, все, чем богат,
Он дорогим гостям поставить рад.

Вы спросите меня, чье поведенье
Заслуживает мудрых одобренье?

Я вам отвечу: всех разумней тот,
Кто всюду в меру ест и в меру пьет.

...Сидящий на пиру, имей в виду,
Будь сдержан, не кидайся на еду.

Несдержанность — причина всех болезней,
Умеренность для нас всего полезней.

Ученый, облегчающий страданья,
Однажды так сказал нам в назиданье:

«Болезни все — а их на свете много —
Приходят к нам в нутро одной дорогой.

Обжорство, жадность — вот твои враги.
Быть хочешь в силе — чрево береги!»

Как есть и пить и как вести себя —
Все, что я знал, сказал тебе любя.

Не позабудь: нам, людям, жить с людьми.
Глупцом не будь и мой совет прими!

Глава говорит о том, что добро должно быть вознаграждено добром, человечность – человечностью

Теперь хочу сказать я о другом:
Должны мы за добро платить добром.

Коль это сделаешь своим законом,
Ты никогда не будешь обделенным.

Будь благодарным, если дал зарок,
Похвал добился, выгоду извлек.

Лишь человечность — признак человека,
Так ныне есть и было так от века.

И то добро, что сделал друг иль брат,
Добром старайся оплатить стократ.

Коль так ты поступаешь, ты — мудрец,
И был высокороден твой отец.

Так поступать не могут дети зла
Иль те, чья мать безгрешной не была.

Не будь глупцом, не шли тому проклятья,
Кто дал тебе еду или же платье.

Ты добрым делом отплати теперь
Тому, кто пред тобой не запер дверь.

Тем отплати почтеньем и признаньем,
Кто поднял пред тобой завесу знаний.

Тому, кто дал тебе совет, как другу,
Сам окажи посильную услугу.

Спешите делать добрые дела.
Забывчивость и леность — свойства зла.

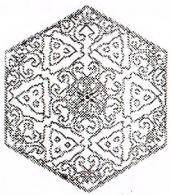
Чего же ты обходишь стороной
Того, кто был тебе как брат родной?

И от того, кто был тебе слуга,
Что ж отвернулся ты, как от врага?

В моих упреках горечи немало,
Тебе от них, быть может, горько стало,

Но для того я это и изрек
Тебе, неблагодарный человек.

Хоть, люди, мы на горькое не падки,
Но горькие слова бывают сладки.

Одгурмыш рассказывает Одгулмышу свой сон

— Мне было ночью странное виденье,—
Так начал Одгурмыш не без волненья,—

Во сне я видел лестницу; она
Стояла, в пустоту устремлена.

Считать я стал ступени все подряд
И насчитал их ровно пятьдесят.

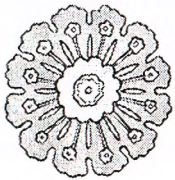
Всходя по этой лестнице покатой,
Ступени я достиг пятидесятой.

Там встретился я с женщиной седой,
Мне подала она сосуд с водой.

Я выпил воду, всю, что в нем была,
И за спиною ощутил крыла.

Случилось нечто странное со мною —
Раскрылись крылья за моей спиною.

Я стал крылат, я в небо возносился,
Тускнел мой взгляд и разум мой мутился.

Огдулмыш объясняет сон Одгурмыша

Все понял Огдулмыш, и молвил он:
— Тебе пророчит счастье этот сон!

Да ты и сам, его постигнув свойства,
Поймешь, что нет причин для беспокойства.

Тебя вели ступени ввысь, а значит,
Во сне ты видел лестницу удачи.

Подъем твой вещий и на самом деле
Предвосхищает достиженье цели.

Подъем во сне удачу означает
И радость — не иначе — предвещает.

Ты по числу приснившихся ступеней
Жди наяву даров и награждений.

Наимудрейший толкователь снов
Моих не сможет опровергнуть слов.

Вода в сосуде — это жизни влага.
Ты осушил сосуд себе во благо.

И сколько было капель, столько лет
Твоя звезда свой не утратит свет.

И, наконец, ты в небо взмыл во сне,
Лишь это объяснить осталось мне.

Я в этом вижу знаменье и рад,
Что небеса к тебе благоволят!

Одгурмыш иначе толкует свой сон

Ответил Огдулмышу Одгурмыш:
— Нет правды в том, что ты мне говоришь!

Ты был бы прав, толкуя этот сон,
Когда б не мне,— тебе приснился он.

Кто видел ночью сон, тому и днем
Бывает легче разобраться в нем.

Наш мир любя, ты ценишь все земное,
Жизнь для тебя шараб* — не что иное,

А для меня она — тяжелый камень,
И в этом суть различия меж нами.

---

* Шараб — здесь: сладкий напиток.

Ты понял сновидение превратно,
А мне его значение понятно.

Начнем сначала: лестница крутая.
Какой в ней смысл? Не жизнь ли прожитая?

По лестнице, как в жизни, путь тяжел;
Я все ступени до конца прошел.

И на вершине лестницы обманной
Я повстречался с женщиною странной,

Умеющею превращать в сирот
Детей того, к кому она идет.

Она в руках сосуд с водой держала,
Я пил и пил, и мне казалось мало.

Вся жизнь моя в сосуде умещалась,
Я выпил все, ни капли не осталось.

Мудрейший муж, знаток первооснов,
Так объясняет суть подобных снов:

Сосуд — судьба, вся жизнь внутри сосуда.
Жить — означает воду пить оттуда.

Тому, кто отпил из сосуда малость,
На свете долго жить еще осталось.

Я видел сон, что осушил до дна
Сосуд, в котором жизнь заключена.

Итак, что было далее со мной,
Что означали крылья за спиной?

То не душа ли, отделясь от тела,
В небесную обитель улетела?

И как бы ты ни толковал мой сон,
Предвестьем смерти мне приснился он.

Каких бы ни таила смерть загадок,
Она наводит на земле порядок,

Опустошая все без сожаленья:
И хижины, и ханские строенья.

Всяк умирает, кто рожден на свет,
Ни странности, ни чуда в этом нет.

Но в смерти, может быть, всего страшней,
Что, люди, забываем мы о ней,

Мечтая в этом мире жить богато,
Страстям внимая и стяжая злато.

О друг, когда меня поглотит мгла,
Мои земные заверши дела!

Я жил, но не страстями жить старался,
Грешил, но грех свой искупить старался.

Мудрец, чей свет дарует нам прозренье,
Такой совет дает нам в утешенье:

«Соблазны тяжки и бедой чреваты,
А мы и так блаженством небогаты.

В теченье века ноша нелегка,
Жизнь человека тоньше волоска.

Но все мученья, завершая путь,
Из мира уходящий, позабудь!»

Я ухожу в тот край, что нам неведом,
И ты в свой час пойдешь за мною
следом.

Но все же слов моих не забывай,
Покуда не покинешь этот край.

Цени оставленное мною слово
Не меньше, чем меня ценил живого.

Глава говорит о раскаянии по поводу дурно проведенной жизни

Смотрящий видит, ведающий знает —
Бессмертен мир, где смертный умирает.

И око уходящего смеется
Над теми, кто на свете остается.

Существовало разных стран немало,
Но время их давно с землей сравняло.

Немало было городов, родов,
От коих не осталось и следов.

Где грозный тот правитель, кто считал,
Что край, ему принадлежащий, мал?

Он, покоривший сто земель в сраженье,
Взял во владенье только три сажени.

Где тот великий воин, тот тиран,
Кто землю полил кровью мусульман?

Владыка, землю бросивший во тьму,
Лежит в земле, не страшный никому.

Давно забыт и грозный властелин,
Мечтавший всей землей владеть один.

Земля, которую он сжег дотла,
Его в свою утробу приняла.

Богатство мира спрятать в свой ларец
Мечтал скупец, где он теперь, глупец?

Ушел богач в те дальние места,
Где нужно только два куска холста.

Таков наш мир, его постигни суть,
Чтоб истины ворота распахнуть.

Чем ты живешь — страданье и покой,—
Все пролетит, все снимет как рукой.

Послушай, что сказал нам человек,
Страдавший и терпевший весь свой век:

«Ты, жаждущий веселья, веселись!
Перед страданьем, страждущий, смирись!

И помни: если проявить терпенье,
Страданье превратится в наслажденье!..»

...Мудрец, на мир сегодняшний взгляни:
Глупец в почете — знающий в тени.

Все в мире лживо, и на горе всем
Невежество болтливо, разум нем.

Тот, кто вина не пьет, скупцом слывет.
Тот, кто посты блюдет, глупцом слывет.

Все чистое исчезло; грязь одна
Вдруг на поверхность поднялась со дна.

Что стало с миром: он нечист и лжив.
Кто в мире справедлив и кто правдив?

Мысль говорящих слишком далека
От слова, что слетает с языка.

Пришла на смену правде осторожность,
На смену верности — благонадежность.

Не приложу ума, что с миром стало:
Благонадежных тьма — надежных мало.

Усердные затмили милосердных,
Приятели друзей сменили верных.

Кто встать поближе норовит к тебе,
Тот не в глаза — в карман глядит тебе.

«Доверие» — теперь пустое слово,
А «недоверие» — первооснова.

Уже давным-давно на свете нет
Людей, что Божий помнили запрет.

К купцам и к тем утрачено доверье,
Художники в свой дом закрыли двери.

Ученый, хоть и прав, но он молчит.
Честь потеряв, забыли жены стыд.

Не совесть правит нами, не добро,
Тот в славе, в чьем кармане серебро.

Забыл народ молитвы и посты,
Мечетей мало, да и те пусты.

Был прав один мыслитель безупречный,
Сказав про этот мир недолговечный:

«В наш темный век в ком справедливость есть?
Где человек, в ком сохранилась честь?

На свете много зла, и очень мало
Людей, кого бы это удивляло!»

Честь не криклива, доброта тиха,
Но слышен голос злобы и греха.

Молчат мужи — законов знатоки;
Сердца их тверды, мягки языки.

Жизнь — коротка, но в ней длинна тоска,
Убила счастье жадности рука.

Утешить бедных, приласкать сирот —
Кому такое в голову придет?

Кто помогает старикам и вдовам,
Коль слово «старость» стало бранным словом!

Наверное, был прав седой мудрец,
Сказав, что мира близится конец...

Читающий, читай хоть понемногу
Мои слова, а мне пора в дорогу.

Жизнь эта может быть в какой-то мере
Частица той — она ее преддверье.

Ты выбери себе достойный путь,
Исполни долг и мстительным не будь!

Я сделал все, свое сказал я слово
Для блага всех, ни для чего иного.

Я не искал ни злата, ни похвал,
Свое прославить имя не мечтал,

Ночей не спал я, слеп над этим списком,
Речь обращал я к вам — к чужим и близким,

Чтоб вы, нелегкий труд мой оценя,
Усердно помолились за меня!

Все строки этой книги от начала
Шептал язык мой, а рука писала.

Когда прочтете вы сии слова,
Язык мой будет нем, рука — мертва.

Я покидаю мир, где годы прожил,
Пусть мне земля отныне будет ложем.

А ты, читающий, не позабудь
Меня сердечным словом помянуть.

О Господи, услышь мою мольбу,
Будь милосерден к своему рабу!

Грешил я, осквернял и дух и плоть,
Но я ведь только червь, а ты Господь.

Я жалкий раб, не знающий пути,
Но ты, Прощающий, меня прости!

Мой край от Запада и до Востока,
Аллах великий, не карай жестоко!

У грешных душ, погрязших в заблужденье,
Не отнимай надежду на спасенье.

Я грешен был, и мне гореть в огне,
Будь, Справедливый, справедлив ко мне!

Прости грехи моим единоверцам,
К ним не всегда я шел с открытым сердцем,

Был добрым, справедливым не для всех,
Прости и этот мой великий грех!

Седоголовый Юсуф, сожалея о молодости, говорит о старости

Когда уносит ветер облака,
Не остановит их ничья рука.

О молодость — добро мое и зло! —
Тебя как будто ветром унесло.

Тебя сдержать мне не хватило сил,
Я сам тебе недобрым ветром был.

О молодость, приди ко мне опять,
Тебя, седой, я мог бы удержать!

Ушла ты вдруг, и я ищу, гонюсь.
Лишь мгла вокруг, кричу — не докричусь!

Рекою ты была, но — видит Бог —
Ты утекла, я удержать не мог.

Я песни пел, но радость и покой,
Все, чем владел, я смел своей рукой...

Богатство тратил, размышлял нездраво,
Года швырял налево и направо.

Был, как вино, я крепок и румян;
Уже давно лицо мое шафран.

Был я цветущим, как весенний сад,
Но сам себе я суховей и град.

Сад зацветал, но каждый свой цветок
Я ветром растрепал и зноем сжег.

Был я стрелой, был тонок и упруг —
Теперь кривой, я согнут, словно лук.

Я тратил дни, я забывал им счет,
Раскаянья слеза мне щеки жжет.

Желания свои, как сто знамен,
Я поднимал, страстями опьянен.

Ловил зверей, но сам я в свой силок
На склоне дней попался, как зверек.

Жирна была еда, но на беду
Еще я жира подбавлял в еду.

Я друга бранным словом прогонял,
На слуг сурово руку поднимал.

Я тщился сделать много славных дел,
Но возгордился и окаменел.

Забылся я в тяжелом пьяном сне,
Но пробудился я, и страшно мне.

Нет, не крутой тропой к заветной цели,—
Я шел, слепой, за призраком веселья.

Страстям служил, грешил, блуждал во мгле,
Забыв о небе, жил я на земле...

Себе я всех когда-то покорял,
Насилием и златом подчинял.

Чего ж добился я: богатства, благ?
Нагим явился и уйду я наг!

Полна моя казна или пуста,
Мне брать с собой лишь два куска холста.

Как ветер в этой суете сует,
Жизнь пронеслась, а где остался след?

Где, молодость моя, твои следы?
В каких краях взрастила ты сады?

Как жить, чем искупить свою вину?
Не сеявший добра, что я пожну?

Звал молодость — мой безответен крик,
Гнал старость, но бессилен я, старик.

Я сам дарами юности своей
Вскормил червей и ядовитых змей.

Я все им дал, чем молодость владела,
Они мое сегодня гложат тело.

Звезда былого вспыхнет вновь едва ль:
Явилась старость, а за ней — печаль.

Земля скликает сверстников моих,
И многих нет давным-давно в живых,

Тех, с кем идти мне было по пути,
Кому я мог бы радость принести.

Аллах, мой разум чист и цель ясна.
Избавь меня от пагубного сна.

Прощающий, прости, прибавь мне сил,
Чтоб я свои проступки искупил.

Глава говорит о порче человека и о неверности друзей

Я шел по жизни, я старел в пути.
Хотел я друга верного найти.

Людей за век так много промелькало,
Но истинных друзей я встретил мало.

Осуществив едва ль ни все желанья,
Хочу найти друзей хоть на прощанье.

От благ земных нужна мне только малость.
Людская верность, где ты затерялась?

Где верный друг, который понесет
Хоть часть моих забот, моих невзгод?

Я покидаю все, к чему привык,
Чтоб жизнь окончить на горе Кадык.

Быть может, счастье есть в уединенье?
Я буду пить дожди, жевать коренья.

Я ухожу из мира, и отныне
Я стану жить, блуждая по пустыне.

Со всем, с чем породнился я, прощусь,
Как солнце, в каждом камне растворюсь.

Я в мире не нашел сердец горячих.
Когда уйду, кто обо мне заплачет.

Иль дружбу я неверной мерой мерил,
И мне не верили, и я не верил.

И понял я теперь, на перепутье:
Нет в человеке человечьей сути.

На свете нет добра, нет состраданья.
Искать друзей — напрасное старанье.

Тот, кто считался равным, добрым, близким,
Коварным оказался, злым и низким.

Чем боле я кого-нибудь любил,
Тем больше боли он мне приносил.

Людская речь — она была от века
Лишь отраженьем мысли человека.

Но мир давно каким-то стал другим.
Не мыслим мы того, что говорим.

Кого же я в друзья себе возьму?
К ногам я душу выплесну кому?

Гляжу вокруг — чужие вижу лица.
С кем радостью, с кем горем поделиться,

Когда я часто мысли сам таю
От тех, кому я руку подаю?

Где потерялась, за какой чертой
Осталась правда вместе с добротой?

Все люди здесь на ангелов похожи:
Нет естества внутри мешков из кожи.

Я как чужой в родимой стороне.
Нет в мире слов, что помогли бы мне.

Здесь смрад, уйти куда глаза глядят,
Чтоб не найти потом пути назад.

Чтобы не видели меня, не знали,
Чтоб всуе имени не поминали.

В своей корысти люди непреклонны.
Они друг друга жрут, как скорпионы.

Слаб человек. А сам-то я каков?
Я не избег соблазнов и грехов.

Вокруг порок. И где он, верный друг,
Чтоб разорвать помог мне этот круг?

О Боже, хоть одно раскрой мне око,
Чтоб пред собой я видел лик пророка!

Составитель книги дает наставление самому себе

Людской почет без разума и знанья —
Весьма недолговечно это зданье.

Лишь разумом и знаньем обладая,
Ты нужен людям, как вода живая.

Не думай, как бы ни был ты велик,
Что ты всего достиг и все постиг.

Иной мудрец среди непросвещенных
Глупцом глупец в кругу людей ученых.

Запомни: знанье — это ширь морская,
Которой нету ни конца, ни края.

Мир познавай, учись иль жуй траву,
Скотом зовись и поселись в хлеву.

Мудрец сквозь мглу увидеть хочет дали —
Глупец хохочет даже в час печали.

Бог весть куда глупца влекут желанья,
А мудреца удерживают знанья.

К вершинам знанья простирал я руки,
Пути искал я, постигал науки.

Стихи слагал я, делал связной речью
Слова и звуки тюркского наречья.

Слова не сразу стали мне покорны,
Искал я, очищал их, словно зерна.

Чтоб в них звучали радость или горе,
Не знал я сна, с самим собою споря.

Вот и сейчас, предвидя осужденье,
Я в сотый раз прошу у вас прощенья.

Я правды не бежал и не таил,
Что знал, что думал, то и говорил.

Грешил я словом едким и суровым,
Но не грешил я неправдивым словом.

Меня приблизил хан, чтоб в некий день я
О жизни высказал свое сужденье,

И восемнадцать месяцев подряд
Слова искал я, как заветный клад.

Порой не знает меры речь людская,
Ее поток течет, не иссякая.

Старайся, о Юсуф, не захлестнуть
Потоком лишних слов прямую суть.

Пусть то, что найдено ценою крови,
Не пропадет в ненужном многословье.

Пусть будет слово крепче связи той,
Что нас с пустой связует суетой!

Ничтожен мир, он льстив, как лживый друг,
Ему поверишь — не избегнешь мук,

Ужасных тем, что люди в ослепленье
Готовы их принять за наслажденье.

Юсуф, ты путь свой начал не вчера;
Растратил юность, каяться пора.

Пусть жить тебе сто лет, но час пробьет,
Когда-нибудь придет сто первый год.

Великий Бог мой, защити меня,
С пути порока уведи меня!

Я отдалялся от Тебя порой,
Я забывался в суете мирской.

Я — грешный раб, я — раб неверный Твой,
Но я стою с повинной головой.

На свете правды нет и счастья нет,
Лишь Ты нам даришь истину и свет.

На что я опирался, о слепец,
Кому я доверялся, о глупец,

Пред тем как грань миров перешагнуть!
Как жить теперь, чтоб обелить свой путь,

Чтоб никогда не заслужить потом
Забвенья в мире этом — кары в том?!

Литературно-художественное издание

Юсуф Баласагуни
Наука быть счастливым

Корректор *Л. Гарающенко*
Дизайн *В. Кадыров*
Компьютерная верстка *Е. Елфимова*

Формат 70x100$^{1}/_{32}$. Гарнитура «Академическая». Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 7,90. Тираж 2000 экз.

Издательство «Раритет»
Кыргызская Республика, г. Бишкек, пр. Чуй, 271
Тел.: (+996 312) 65-62-56; факс: (+996 312) 65-61-62
E-mail: olaf@ktnet.kg; www.books.kg

ISBN 996742440 - 0

РАРИТЕТ